

Будущее Реймского собора. В художественных кругах Франции решено не восстанавливать Реймского собора. Пьер Министр говорит: «В разрушенном соборе есть своя чарующая, грустная прелесть. Миф эти развалины дорожки, напоминания тяжелые дни Франции, чьим новым восстановленным собором. Построим новый храм, но Реймского собора касаться не будем». «Реставрировать Реймский собор нельзя», — соглашается Пьер Министр, — так как он не будет тогда памятником прошлого. — «Не трогайте его, — призывает Жозеф Рейнак, — он раздвинул наши страдания. Он — наша история».

Выборы в траншеях. Впервые своему конституционному принципу, англичане не считают возможным нарушить его даже в грозу войны. Поучительный пример этому показала Британская Колумбия. Солдаты английской армии, уроженцы этой дальней английской колонии в Северной Америке, примут участие в парламентских выборах, не покидая траншей. Выборы в Британской Колумбии назначены на 14-е сентября, но на фронт выборы начнутся раньше. Туда уже выехал особая избирательная комиссия.

Дано индийцы считают немцев дикарями. Амстердамский корреспондент восточной «Nieuwe Frele Presse» сообщает о любопытном факте, происшедшем в Южной Америке на реке Амазонке. Князь индийского племени ибаров, живущего на берегах реки Амазонки в Бразилии, напал на поселение немецких колонистов. Князь Укашима II, вычитавшись о востровах, которые немцы продвигают со своими противниками на полях сражений, особенно с птеными в Германии и Австро-Венгрии, до такой степени проник неадекватно к этому народу, что решил объявить войну своим соседям, немецким колонистам, переселившимся туда из Европы, с согласия бразильского правительства. Газета «Mercurio», издающаяся в Рио-де-Жанейро, официальный орган князя, напечатала его манифест к своему народу, в котором князь Укашима повелевает изгнать немцев из пределов его княжества.

Секреты немцев «моробросов» и их технические ухищрения. В виду все усиливающегося недостатка лошадей не только для кавалерийских частей, но и для обозов, в германской армии особое значение приходится теперь службе автомобильных отрядов. По имеющимся точным сведениям, в неприступной армии немцев 34 автомобильных батальона. Каждый батальон состоит из 180 — 250 грузовых автомобилей и делится на четыре роты. Автомобильные батальоны служат не только для перевозки всякого рода запасов, но и для передвижения резервов. Установлено, например, что одна из рот резервного корпуса за десятидневный период, — с апреля 1915 года по февраль текущего года, — перевозилась в автомобилях свыше 200 раз. В преддверии возможности перевозки в автомобилях комбинируются с перевозками по железным дорогам.

Во время недавних наступательных попыток на рижском фронте, при артиллерийской подготовке своих атак, немцы применяли снаряды, давшие двойной разрыв, при чем одновременно получалось действие гранаты и сильное освещение обстреливаемой местности.

«Русскому Слову» сообщают о новом, применяемом немцами, сигнальном приборе, изобретение которого — предупредить новые подходы наших разведывательных партий. Прибор представляет собою стеклянную колбу, легко разбивающуюся при прикосновении к ней, после чего заключенная в колбу состав, сильно пахнущий нафталином, воспламеняется и горит ярким светом, давая при этом густую облаку белого дыма. Такие колбы из изобретения разбрасываются немцами вперед провололочных взрывчатых и тщательно маскируются дерюгой.

Германский шпионаж в печати. С самого начала войны все могли убедиться в том, что подготовившая и вызвавшая войну Германия подготовила с исключительной широтой и искусностью и шпионаж.

Шпионажи оказали, по сведениям «Вечернего Времени», не только многочисленные двузадные кушцы, коммюнажеры, консулы, но и корреспонденты выдающихся немецких консервативных, либеральных и радикальных газет в Петроград, Париж, Лондон. Война освободила многих из них от их прежних обязанностей, но абсолютное начальство солидарно с их редакторами вало им другие посты все для той же службы «фатерланду». Большинство этих господ разошлось по границам, ближе к центральным воюющим странам, самым опытным и «талантливым» корреспондентам дано ответственное поручение следить за вражеской печатью. Так, два опытных «корреспондента» немецких газет сидят в Халанде у русской границы, получают там изобразом раньше всех русские газеты за границу и немедленно по телеграфу передают все для германцев интересное в Берлине, Кельне и другие города.

То же самое организовано немцами по отношению к английской печати, особенно же по отношению к французской и итальянской печати. В Базель, например, сидят самые ловкие, опытные, бывшие парижские корреспонденты немецких газет (как, например, пресловутый Ней из «Франкфуртской Газеты»); это в 25 верстах от французской границы, куда парижские, лондонские, джонские газеты получают через несколько часов по выходы. Все интересное немедленно телеграфируется в Берлин. Англичане и французы приняли с своей стороны соответственные меры.

Эта разоблачения газеты указывают, как осторожны должны быть и мы в нашей прессе и корреспонденции.

Третий год войны — начало неровности. По мнению английских военных авторитетов военное положение в начале третьего года сильно изменилось в пользу держав согласия. Центральные державы вливают 431 тыс. квадратных километров территории, принадлежащих союзникам. Союзники же занимают 2.775 тыс. квадратных километров, принадлежащих центральным державам. Не следует, впрочем, извлекать километражные выгоды, приобретенные союзниками. Для этого следует только вспомнить положение, какое было в 1915 году. Правда, наступление германцев на валах было уже и в то время остановлено. Армии центральных держав продвинулись вперед в России, завоевали Сербию, Черногорию и Албанию, итальянская армия была остановлена перед австрийской границей, ситная англо-фран-

цузская армия была приведена в бездействие на Галицком полуострове, турки в Армении успешно задерживали русских. Германцы воев вели наступление. За прошедший год положение в общем совершенно изменилось. Галицкий полуостров, где французы и англичане были принуждены бездействовать, был ими эвакуирован. Несмотря на гибель небольшого гарнизона Кути-Эль-Амары, месопотамская кампания дала англичанам большое владчество в Шатт-эль-Араб и оттоманской провинции Ирак, германское влияние уничтожено в южной Персии, в Салонирах союзники угрожают Болгарии и германским сообщениям с Азией. Все германские колонии в Западной Африке находятся в руках союзников, германская Восточная Африка постепенно выходит из германской власти.

Первое неожиданное для германцев событие произошло в Европе при успешном отражении страшной германской атаки под Верденом. Разбитая здесь центральная держава потеряла инициативу и перешла к обороне. Германцы общались туркам защитить их; между тем турки, потерявшие Армению и Аравию, принуждены теперь посылать войска на помощь австрийцам. Англо-французская войска отбрасывают германцев в районы Соммы. Итальянцы заставляют австрийцев отступать. Русские быстро продвигаются к границе Венгрии и успешно захватывают австрийскую территорию, поименную в 1915 году. На юго-востоке Европы сербская армия отдохнула и преобразовалась. Поддержания англичанами и французами, она вступила в бой с болгарами и, нанеся ей поражение, вставила Баяджиева отступить к Монастиру. Русские в Армении разбивают турок. Ни на одном пункте британской территории нет неприятеля.

Подводящая война и набиты цепельников потерпел неудачу, выразившись в нападении на жарыих горожан, поселки и «купицы» в море, на которых собственно даже запрещено нападать, по правилам Женевской конвенции.

Отсюда видно, что военное положение совершенно изменилось к выгоде союзников. Но это только начало перелома. Превращение в положение союзников все будет возрастать.

Воздушные бои. «Русское Слово» сообщает итоги воздушных боев. С самого начала войны противники потеряли легких аэропланов около 675, гидроразрывов около 30—35, привязных шаров свыше 70, дирижаблей не менее 12, цепельников 32.

Цепельник Л 21, сбитый летчиком Робинсоном. В псковских млях от деревни Уфлей в Англии, где убит сбитый английским летчиком Робинсоном германский цепельник Л 21 были переданы земл на кладбище Поттерберга тела офицера и команды с погибшего цепельника. Похороны носили характер торжественной простоты. Собралась большая толпа вела себя с достоинством уважением к павшему врагу. Это были военные похороны. Германцев хоронили почти так же, как хоронят павших на полях битвы во Франции, только не было знамен, и не было салютов.

Около ста летчиков, принадлежащих к тому отряду, которому поручено вести борьбу с цепельниками, в воскресенье утром, перевезя пестнадиать тел из маленькой церкви Уфлей на кладбище. Гроб с телом командира, закутанный в черное, был поставлен на один из грузовых автомобилей, а гробы с телами нижних чинов — на другой.

На кладбище викарий Поттерберга прочел воззвания молитвы, два розки протрубили похоронный марш, и все было кончено. Во время похороны военных аэроплан кружили над кладбищем, английские летчики стояли с обнаженными головами.

Либопытные, собравшиеся после церемонии погребения на кладбище, могли прочесть на надгробной плите командира цепельника следующие: «Неизвестный германский офицер, убитый при командовании цепельником Л 21 3-го сентября 1916 года».

Вскрп после того близ деревни Уфлей нашли металлическую дочку с вырванными на ней именами командира погибшего цепельника Л 21 и людей его команды. (Германские морские цепельники имеют марку I, а сухопутные — Z).

Аэроплан авиатора Робинсона, одержавшего победу в воздушном бою, слегка поврежден, но сам он остался совершенно невредимым. Когда Робинсон приехал в Уфлей в автомобиль посматривать на «своей трофей», военные, находившиеся там, оказали ему восторженный прием и тут же поднесли ему несколько сувениров, и среди них желтый крест, найденный в обломках цепельника, золотые часы, которые, как предполагают, принадлежали командиру цепельника. Лейтенант Робинсон получил за свой подвиг сувенир — английский орден Victoria Cross. Кроме этого высшего воинского отличия, лейтенант Робинсон получил значительную сумму, которая в свое время различными лицами была назначена в премию тому, кто соберет германский цепельник на британской территории. Только три из этих премий составляют уже сумму около 40.000 руб.

Несмотря на свою молодость, лейтенант Робинсон был уже в активной службе на фронте и был ранен. Это очень ловкий и смелый пилот. По рассказам его товарищей, в предсказанный набит цепельников он проявлял также необычайную ловкость, но, к несчастью, его машина потерпела аварию, и он должен был спуститься на поле, при чем был даже легко ранен. Тогда, как рассказывают, он сказал: «В следующий раз полечу вниз или я, или цепельник». Случилось так, что полетать вниз цепельник.

Японцы переходят на европейскую азбуку. Парижский корреспондент «Tidens Tid» передает полученное из Токио от ответственных лиц сообщение, что японское правительство подготовило упразднение существующих японских японской письменности и введение латинского алфавита. Эта важная реформа дополнит европеизацию Японии. Не так давно проведенная реформа школьного обучения сократила число заучиваемых знаков 4.700 до 1.364; введение латинского алфавита еще во много раз облегчит обучение и подготовит Японию к той роли, которую ей предстоит играть в качестве первоначальной державы на Дальнем Востоке, опирающейся на союз с Россией.

Иллюстрированный журнал литературы

1916 г. № 38

Выходит 17-го сентября 1916 г.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

для напечатания в «Платье» принимаются по следующему тарифу за строку (в 1/4 ширины страницы): первый текст — 1 р. 75 к.; на последней странице обложки 1 р. 50 к.; на остальных — 1 р. 25 к.

К этому № прилагается «Полн. собр. соч. Мамия-Сибиряка» кн. 30.

Главная Контора и редакция Петроград, улица Гоголя, № 22.

Мирь таинственного. Волшебная книжка

(содержит около 300 волшебных фокусов). Открытие тайн черной и белой магии. Справочник и руководство его исполнителя. Составлена по лучшим новейшим и красивейшим руководствам.

Краткое содержание: Магические и спиритические поразительные фокусы: говорение, ступение, хождение по воде и проч. Самые простые фокусы без всяких аппаратов: угадывать мысли других лиц, видеть в чужих картах, точно и безошибочно угадывать, какие предметы находятся в кармане у совершенно незнакомых людей, сколько у кого из парней денег и как кого зовут. Угадывать имя жонглер или навестить, плавать в воде. Показывать твое прищипанное лицо. Масса картонных фокусов, легко исполнимых. Эти необыкновенные фокусы — для детей без всяких аппаратов. Умертвить живого пчелу и оживить его. Превратить воду в молоко, а молоко в вино. Тайны и секреты магии; индийское искусство брать раскаленное железо голыми руками, вытаскивать гвозди из земли, проглотить себя насквозь шпагой, показывать отрубленную голову и одеть себя маулявными. Искусство дышать деньги из воды. Наполнить мгновенно квартиру водой или туманом. Извлечь из ничего, щипать себя ногтями и иглами. Проглотить руку ножом. Воткнуть шило в голову. Заколдованные дорожки, шапка, волшебный талисман. Искусство дышать другими поразительными фокусами. Разоблачение и объяснение знаменит. театральных фокусов и подробное наставление, как их делать. Открытие тайн древних египетских и персидских магиков. Угадывание мыслей. Во время исполнения фокусов каждый дом можно превратить в заколдованный замок и много др. Цена 1 руб. 25 коп. с перес. 1 р. 50 к.

Склад издания: П. Комисаренко, Москва, Уланский пер., 30—4, книжный магазин.

БУХГАЛТЕРИЯ (ПИСАТЬ)

и коммерц. образов. Значение **курсов** по общей бухгалтерии, **СТЕНОГРАФИИ**, **АТТЕСТАТ** (Цены в руб.). Разрешено. Прогр. безл. Петроград, В. О. Бол. пр., № 22. «КОММЕРЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ». Р.

Лечебница И. И. Гимилеръ

для страдающих **ЗАЙКАНИЕМЪ**.

МОСКВА, Н. Васильева 14. При лечебнице пансион. — Лечебница функционирует круглый год.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО для ВСѢХЪ.

Не требуется знаний. Доступно всем. Для многих хороший заработок.

Популярные руководства, заслужившие массу благодарностей:

- 1) Устр. домашн. электр. освещ. без машин — 85 к.
- 2) Изгот. аккумуляторов — 50 к.
- 3) Изгот. сухихъ батареек — 40 к.
- 4) Устр. телефонов, электр. звонок и сигнализация — 65 к.
- 5) Устр. индукц. медик. аппараты — 50 к.
- 6) Изгот. электрич. насосов, электр. насосов — 1 р. 25 к.
- 7) Устр. динамо-маш. и электр. моторы до 500 уатт — 1 р. 50 к.
- 8) Устр. вольтметр, амперометр, реостат. и пр. — 85 к.

Пересылка до 1 р. — 15 к., до 2 р. — 25 к., до 3 р. — 30 к., а т. д. За налог. плат. прибавляется 15 к. на всю посылку, независимо от числа книг.

Всѣ 8 руковод. высыл. на 6 р. 50 к.; сь налог. плат. — 6 р. 65 к.

Прогр. и отзывы вышл. бесплатно.

Адрес: Техн. М. А. БОГОЛЪПОВУ, Москва, Бол. Москвитинск. пер., д. 4—85.

ГАМАМЕЛИДЪ

ПОВОЕ СРЕДСТВО

отъ **ГЕМОРРОЯ** 1/50 к.

Продажа в аптеках и аптеч. магазинах.

Адрес: Москва, Елоховская, 4, Е. Н. Германъ.

РУССКАЯ ФОТОГРАФИЯ

ТОВАРИЩЕСТВО

ЛЮМО

МОСКВА.

МЯСНИЦАЯ 14-й 39.

Требуйте прейс-курранты.

ВОЛШЕБНАЯ КНИГА

Эта книга составлена по лучшим источникам и содержит в себе множество удивительных фокусов. Замокнуть воду в жаркое лето. Заставить свет гореть в темноте. Произвести иллюзию в комнате, на прищипанном пред. Вырастить бобы на полчае. Развешать нитой столы. Получить обложку из бумаги. Вальт голыми руками раскаленное железо. Картонные фокусы. Эти удивительные фокусы делаются без всяких аппаратов. Превратить желтый прут в свет. Заметь суха дрова водой — и можешь другие удивительные фокусы. Во время исполнения фокусов можно каждый дом превратить в волшебный замок. Новейшее полное издание. Всѣх фокусов в книг около 300. Цена с пересылкой 1 р. 25 к. Адрес: Петроград, Сельская ул., № 40, в редакцию журнала «Отдыхающий Живот».

Старческая дрязгосность

артериосклероз, переутомление, общая слабость послѣ перенесенныхъ болѣзней, послѣдствія алкоголизма и т. д., нервности и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, сердечныя заболѣванія, истощение и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіеся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ, поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **«СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ»** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ нигда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по здоровью вещества.

Желающимъ высылаются безвозмездно книга **«Цѣльное дѣйствіе Спермина»**, интересующимся же всей органотерапіей, высылаются за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга **«Цѣлительныя силы организма»**.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ-С-ВЪЯ ПЕТРОГРАДЪ.

Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

ТИРАЖЪ ПОГАШЕНІЯ

билетовъ 2-го внутренняго 5% сь выигрышами займа 1866 г.

НУМЕРА СЕРІЙ, ВЫШЕДШИХЪ ВЪ ТИРАЖЪ.

(Каждая изъ нижеслѣдующихъ серій заключаетъ въ себѣ 50 билетовъ, сь № 1 по № 50 включительно).

74	752	1080	1612	2323	3157	4218	4784	5897	6784	7718	8229	9152	9843	10531	11220	12215	12951	13378	14103	14684	15081	15527	16003	17188	17770	18125	19227	19834	
97	789	1109	1657	2413	3284	4220	4816	5881	7036	7728	8245	9191	9878	10566	11249	12240	12980	13379	14113	14673	15195	15618	16672	17270	17879	18516	19253	19890	
109	836	1180	1628	2414	3297	4381	4918	6046	7059	7750	8352	9301	9936	10623	11313	12294	12994	13491	14148	14679	15244	15654	16741	17326	17918	18581	19324		
175	843	1324	1641	2579	3373	4381	5040	6099	7082	7799	8383	9301	10035	10636	11384	12101	13030	13540	14168	14689	15210	15687	16780	17344	18016	18818	19420		
241	894	1408	1854	2783	3701	4718	5489	6564	7115	7803	8508	9611	10085	10721	11443	12237	13045	13577	14192	14780	15252	15700	16785	17402	18101	18849	19499		
279	920	1421	1857	2860	3716	4717	5484	6567	7116	7804	8509	9612	10088	10726	11448	12242	13050	13582	14197	14785	15257	15705	16790	17407	18106	18854	19504		
407	950	1442	1857	2860	3716	4717	5484	6567	7116	7804	8509	9612	10088	10726	11448	12242	13050	13582	14197	14785	15257	15705	16790	17407	18106	18854	19504		
481	979	1475	2178	2891	3959	4800	5523	6633	7398	8166	8874	9707	10292	10885	11642	12427	13201	13735	14321	14903	15412	15887	16929	17442	18214	18962	19566		
515	988	1522	2229	2949	3999	4861	5573	6682	7419	8183	8892	9725	10310	10903	11660	12445	13219	13753	14339	14924	15440	15889	17034	17456	18287	19046	19640		
545	1017	1529	2271	2995	4030	4723	5477	6577	7317	8086	8800	9731	10316	10909	11666	12451	13225	13759	14345	14930	15470	15968	17155	17578	18305	19100	19769		
629	1031	1571	2273	3147	4095	4724	5482	6579	7321	8090	8804	9735	10320	10913	11670	12455	13229	13763	14349	14934	15509	15749	16394	17156	17722	18311	19146	19774	
660	1071	1596	2278	3122	4137	4779	5536	6632	7376	8145	8859	9790	10375	10968	11725	12510	13284	13818	14404	14989	15595	16468	17169	17767	18375	19166	19798		

Всего 338 серій, составляющихъ 16.900 билетовъ, на сумму 2.450.500 рублей.

При ГОНОРРЕЕ
в острой и хронической формѣ
ТИЗЕРИНЪ
позволяетъ ей прийтись
Д-ра мед. Гороховской Для внутренняго употребл. Тизеринъ
совершенно безвреденъ. Цѣна 1 од. ф. пак. 12 короб., капсулъ 2 р.
35 к. Двойного 4 р. Адресъ: Д-ру Гороховской, Москва, Тавръ пер.,
128, кв. 8, отд. 80. Отпускается въ аптекахъ по рецептамъ врачей.

Чѣмъ замѣнить мясо?
Гусиное мясо въ приготовленіи вкуснѣе, питательнѣе, ситниче и дешевле
блюда безъ мясныхъ продуктовъ. Бюджетъ 150 блюдъ. Необходимо въ каждой
семей. Рассылается влож. плат. за 1 р. 20 к. Требования адресовать:
Москва, изд-ву «ЛУЧЪ», Печатиновъ пер., 18/2. (а)

Всего возможныхъ **ПОРТРЕТЫ И ИКОНЫ**
Прейс-куррантъ вмс. бонус. Адресъ: г. Петроградъ,
Курсъ. г. Художнику В. А. Щегла.

ИКОНЫ
всѣхъ степеней, готовны и на заказъ, можно
получить въ любой срокъ
ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Комитета По-
почтенности о Русской иконописи.
Петроградъ, Надеждинская, 27.
Тел. 201-29. 401 10-1
Прейс-куррантъ высылаютъ бесплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразование.
Зачное обученіе. Безплатныя
премис. Каллиграфія, стеногра-
фія, правописаніе и проч. **АТ-
ТЕСТАТЪ**. Личныя учебныя
модели и **БЕЗПЛАТНО**.
Адресъ: Петроградъ, «Кругъ Самообра-
зованія», Б. Ржевская, 7—55.

КРАСИВО И СКОРО ПИСАТЬ
въ 8 ур. и др. ст. бухгалтеріи обученіе кажда-
го школьника. Удѣл. 5 вѣч. мод. и 6 вѣч. вѣст.
лампасу. Общій прѣлѣт. учѣб. раб. пус-
кис. ва 2—10 к. нар. Олеса, Риневъ-скал-
т. Н. №12. Проф. каллигр. Ш. КРУКУ

НЕ КРАСКА, АНГЛІЙСКІЙ ВОЗСТАНОВИТЕЛЬ ВОЛОСЪ
(The Royal Windsor Hair Restorer) возвра-
щаетъ въ короткое время посѣдѣвшіе по-
досы, незамѣтно для окружающихъ, иль
большій естественный пѣлъ. Цѣна больша-
го флакона 8 р. 75 к., сь перес. 4 р. 45 к.
Представитель для всей Россіи
ГЮСТАВЪ ГОДФРУА,
Петроградъ, Невскій, 82 к.

СТРАДАЮЩИМЪ
запорами, геморроемъ
рекоменд. Стомоксигенъ Д-ра Ан-
тона Мейеръ. Стомоксигенъ освобож-
ждаетъ желудокъ легко, нор-
мально и пріятно и дѣйствуетъ
всегда одинаково. Это средство на-
дежное, совершенно безвредное
и отпускается изъ всѣхъ аптекъ
по рец. вр. На орг. коробкѣ имя
Д-ра Антона Мейеръ выписано
полностью.

ЖЕЛУДКОМЪ

ПРОКТОЛЬ-ПЕЛЯ
Сѣчи «Проктоль-Пеля», но-
вѣйшее и наилучшее, испы-
танное средство противъ
ГЕМОРРОЯ.
Дѣйствуетъ кровоостанав-
ляющее, обезболивающее,
ускоряетъ заживленіе и,
при систематическомъ лѣ-
ченіи, совершенно устраи-
ваетъ зудъ, жжение и всѣ
явленія геморроя. Имѣется
всюду.

Профессоръ Д-ръ ПЕЛЬ и С-ья
ПЕТРОГРАДЪ

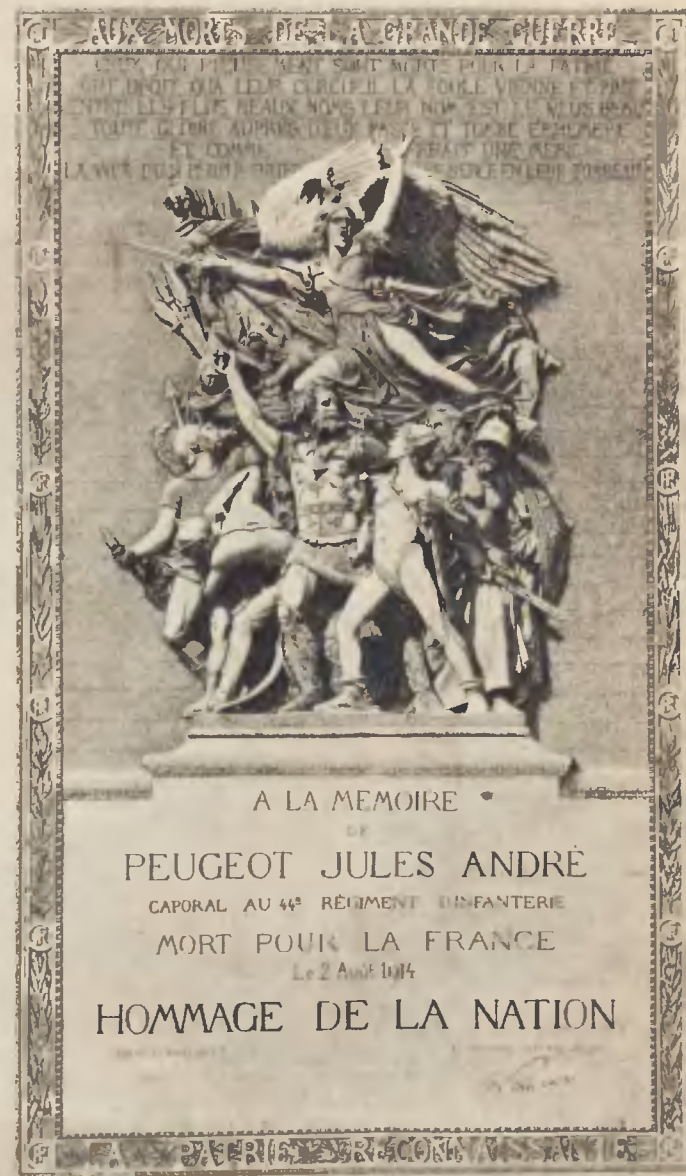
ИИВА
№ 38. Выходитъ еженед. (32 № въ годъ), сь прилож. 40 кн. «Собрания», содер. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯНА, Н. ГАРИНА, А. П. ЧЕХОВА и ДЕ-КОСТЭРА.
12 кн. Литерат. и попул.-науч. прил. 2 новыя спеціальныя карты военныхъ дѣястелъ, 12 № «Новѣйшихъ модъ» и 12 лист. черт. и выкр.
Выходитъ 17 сентября 1916 г. Подписная цѣна сь дост. и перес. на годъ—10 р., на 1/2 года—5 р., на 1/4 года—2 р. 50 к. Цѣна этого №—15 к. сь перес. 30 к.

Перепечатка иллюстрацій и текста воспрещается. (Законъ 20-го марта 1911 г.)

Равносильно смерти.

Рассказъ Пвана Осгровиного.
(Окончаніе)

III.
Долго не прѣзжалъ въ полкъ генераль, мѣсяцевъ шесть: а
потомъ прѣзжалъ другой, вновь назначенный, а про того ушаи.
что онъ получилъ дивизію.
Этотъ новый при своемъ посѣщеніи о библіотекѣ
не вспоминалъ, и поручикъ Подиружний напрасно
только ломать голову надъ вопросомъ, куда бы по-
лучше спрятать алфавитную книгу, которая у него
продолжала служить своему назначенію. И теперь
онъ боялся хитрости уже не въ томъ, что господа
офицеры единкомъ мало интересуются военной
литературой, а наоборотъ, что они чересчуръ пере-
гружены ученостію, можетъ-быть, даже въ ущербъ
военной практикѣ.
Послѣ того памятнаго посѣщенія библіотеки офи-
церы полка вдругъ почувствовали необыкновенный
интересъ къ военной литературѣ. Комната за аркой,
раньше такая тихая и сонная, гдѣ на полкахъ и въ
шкафу безмолвно дремали тяжести томы тактиче-
скихъ и стратегическихъ писаній, проснулись,
оживились и заждались новой жизни. Отъ офице-
ровъ то и дѣло приходили требованія на книги
оттуда, прислаивались прѣжнія, уносились новыя.
Даже старые романы пль первой комнаты не могли
угнаться за солдатыми толпками пль запольныхъ
шкафовъ поручика Подиружнего.
И все это происходило въ алфавитную книгу: у
нѣкоторыхъ абонентовъ уже давно исчерпались
отведенныя пль странички, и пришлось начинать
дополнительныя.
Читали ли эти книги, или только такъ, пріятно
проводили нѣкоторое время въ квартирахъ господа
офицеры, нѣтъ одному только Богу: но несом-
ненно, что, если бы новый бригадный генераль
заглянулъ въ книгу, то, пожалуй, затруднился бы,
что ему и дѣлать съ такимъ ученымъ полкомъ. А
если бы онъ еще вздумалъ побесѣдовать на такти-
ческія и стратегическія темы, то ужъ окончательно
неизвѣстно, что пль этого вышло бы.
Но этотъ генераль, къ счастью, больше интере-
совался стрѣльбой и штыковыми дѣйствіями и, оста-
вшись этой стороной дѣла чрезвычайно доволенъ,
уѣзжая, благодарилъ командира и офицеровъ.
Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и грянулъ
громъ. Кличъ войны пронесся по странѣ и прѣжде
всего коснулся города и полка.
Городъ-то, разумеется, остался на мѣстѣ, но полкъ
собрались и выступили очень быстро.
Р-скій полкъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которымъ,
какъ наиболѣе близко стоявшимъ и бывшимъ всегда
въ готовности, пришлось принять первый натискъ
врага. И когда накатилъ бой, дивизія собралась въ
назначенномъ мѣстѣ, и начальникъ дивизіи, бывший
ранѣе бригаднымъ, производилъ послѣдній смотръ
своимъ войскамъ, онъ съ особеннымъ удовольствіемъ
встрѣтился съ Р-скимъ полкомъ и залюбовался
тѣмъ, до чего дѣсь все было счастливо подобрано.
И командиръ и офицеры и солдаты. Всѣмъ понрави-
лись какими-то дѣлами, и, взглянувъ на нихъ, генераль
подумалъ: «вотъ ужъ эти не поддадутся назадъ, —
или позмуть или всѣ подирутъ».
Есть такія лица, на которыхъ написано: впередъ,
или смерть. — ничто третьяго. И такія лица были
у выдвинуто пль у всего полка.
Между прочимъ, генераль узналъ штабъ-капитана
Усенку, на скаку кивнулъ ему головой и усмѣх-
нулся, какъ будто вспоминая какой эпизодъ съ
чистой страницей въ алфавитной книгѣ.

Павшимъ въ великой войнѣ — благодарная отчизна. Почетный дипломъ, выда-
ваемый во Франціи семьямъ воина, положившаго жизнь за родину. На воспроиз-
веденномъ дипломѣ начертано имя первой жертвы войны — капитана 44 пѣхотнаго
полка Жюль-Андре Пезжо, убитаго 20-го іюля (2-го августа нов. ст.) 1914 г.

Видь воть, сколько ихъ дѣсь, и у каждаго въ груди бьется свое сердце. И одинъ вернется отсюда, можетъ-быть, со слабой, ну, конечно, иначе и мыслить нельзя, — а другіе останутся тамъ навсегда. А угадай-ка, кто? Бѣлая страница, у всѣхъ одинаковая.

Усенко, обычно довольно мрачный, былъ въ веселомъ настроеніи и подшучивалъ надъ своимъ пріятелемъ Подиружкимъ.

— Что же, братъ, ты не притащилъ съ собой свою библіотеку? Вотъ теперь бы въ самый разъ наскоро почитать нитый томъ Лерера. Ха-ха!..

Скоро загремя орудія, а тамъ и диннія вышла въ бой. Подиружкий въ первой же схваткѣ получилъ серьезную рану въ плечо и лежалъ въ полевомъ лазаретѣ. Про Маурова же ходили цѣлыя легенды о его неуязвимости. И действительно, его видѣли въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ: снаряды разрывались въ десяти шагахъ отъ него, пули жужжали надъ его головою.

Но въ концѣ концовъ пуля такъ-таки нашла его и нацупала ушь прямо его сердце. Третій день сраженія былъ для него послѣднимъ днемъ жизни.

Поручикъ Подиружкий лежалъ на лазаретной койкѣ и злился. У него было раздроблено плечо, рана бѣлая, но не боги, вѣдь какъ. Ему было строго запрещено двигаться. Тамъ, что-то было наворочено, цѣлая гора повязокъ, и гдѣ-то въ глубинѣ происходило сраженіе раздробленныхъ косточекъ.

И, конечно, сростется, и будетъ плечо, какъ плечо. По всей ифронтиности, рутъ вернется способности движенья и все прежнія способности, и снова онъ будетъ годенъ къ строю. Но когда это будетъ?

Рана въ бѣлый — дѣло законное. Каждый имѣетъ право подучить ее. Рана, это — награда за храбрость и стойкость. Но онъ даже не имѣлъ возможности проявить эти качества. Ну, храбрость, положимъ, была, это даже замѣчено начальствомъ, и ему сказали уже о представленіи къ наградамъ: но стойкость — когда же? Вѣдь онъ не больше двухъ-трехъ часовъ былъ въ бою.

Конечно, надо, чтобы кто-нибудь былъ первымъ, но почему непременно онъ? Видно, ужъ такъ, ему суждено: тамъ, въ библіотекѣ, онъ сидѣлъ цѣлые вечера, а тутъ лежитъ, въ то время, какъ другіе бьются.

Присели извѣстіе о Мауровѣ, и искренно стало на душѣ. Этакій весельчакъ, выдумщикъ, неутомимый устроитель всякихъ празднествъ, декламаторъ, пѣвецъ, танцоръ, душа общества, — трудно даже представить его лежащимъ неподвижно, молча, съ закрытыми навсегда глазами.

А онъ, Подиружкий, еще жалуется на судьбу! Съ нимъ она церемонится, идетъ на компромиссы. Онъ, можетъ-быть, еще не разъ побывалъ въ бояхъ, заработалъ не одинъ крестикъ, а бѣднаго Маурова сразу скосило, какъ траву.

— А штабсъ-капитанъ Усенко? Что онъ? — спрашивать Подиружкий съжалявшихъ раненыхъ товарищей.

Тѣ безнадёжно махали рукой. Усенки нѣтъ. Никто и не знаетъ, гдѣ онъ. Рѣшился на такую штуку, за которую при неудачѣ могутъ разжаловать въ солдаты. Но его-то не разжалуютъ. Ужъ смѣется онъ или нѣтъ, а Георгій ему обезпеченъ, если только не два раны.

Значить, удача? На это расказывать удивительную исторію. Усенко со своей побѣдой частью — ротою съ линіями, стоялъ на дѣловомъ флангѣ, гдѣ было затѣно: вся непріятельская масса налегала на правый флангъ. Въ сущности, его отряду приходилось играть роль сторожевого.

Послѣ почти цѣлаго дня жаркаго боя наши, вѣдимо, стали одоливать. Въ это время и дали поймались непріятельскіе резервы, который сѣдѣли на подмогу. Усенко видѣлъ это дучше, чѣмъ кто другой. Сообразилъ, что нашимъ грозитъ острая опасность, и рѣшился, — крикнулъ: «Братцы, кто смерти не боится, за мной!»

И повелъ своихъ впередъ. Видно, никто изъ нихъ смерти не боялся. Сперва, прикрываясь холмами, потомъ въ лѣсокъ, какъ разъ наперерѣзъ сѣдѣвшихъ.

Дать подойти, и вдругъ изъ темной глубины лѣса — трахъ-тарарахъ... Залпъ, другой, третій, поточъ въ разсыпаную...

И чортъ ихъ знаетъ, что вообразили пѣшцы. Должно-быть, имъ показалось, что въ лѣсу затѣли пошки. Смущеніе, остановка, а потомъ поворотъ къ лѣсу. А уже темнѣло. Въ лѣсу же совсѣтъ почь.

Ну, что тамъ было, никто этого не знаетъ. А результаты налицо: наши воспользовались временемъ, — подошла помощь, и отбили нѣмцевъ, въ концѣ разстроивъ ихъ ряды.

— А что же случилось съ Усенкой?

— А развѣ кто-нибудь знаетъ это? Лѣсокъ очисти, въ немъ подобрали раненыхъ, нашихъ и вражескихъ, и убитыхъ съ обѣихъ сторонъ, а Усенки и слѣдъ простыли. Съ нимъ, должно-быть, сотни чѣтыре солдаты...

— Это подвигъ — съ горящими отъ восторга глазами скакать Подиружкий.

— Да, это настоящій подвигъ.

— Двойной подвигъ. — замѣтилъ одинъ изъ раненыхъ офице-

ровъ. — Онъ шелъ почти на вѣрную смерть, а не удайся это и вернулся онъ, рискнуть всей карьерой.

Прошло два дня. Однажды изъ лазаретъ произошло какое-то странное движеніе. Въ утренній часъ, когда даже еще не все проснулось, разнеслось извѣстіе, всѣхъ взволновавшее. Многие встали и направились къ прихожей. Другіе, не столь счастливые, лишь приподнялись, сколько могли, и все устремились въ сторону входа жадно-любопытные глаза. О чемъ-то спрашивали, другіе что-то объясняли, и трудно было понять, въ чемъ дѣло.

Но вотъ все смолкло. Въ прихожей раздавались шаги нѣсколькихъ паръ ногъ. Затѣмъ вошли люди съ посылками, на которыхъ лежалъ раненый офицеръ. Подошли къ свободной кровати рядомъ съ поручикомъ Подиружкимъ и осторожно переложили раненаго на кровать.

Подиружкий взглянулъ, — это былъ штабсъ-капитанъ Усенко: но какой видъ! Все на немъ было порвано и забрызгано грязью.

Сейчасъ же принялись со всѣми предосторожностями мѣнять ему бѣлье. Онъ, должно-быть, былъ не слишкомъ ослѣпъ, потому что не стоналъ и дѣловъ рукой даже старался помочь одѣвавшимъ его. Но въ ногахъ у него, должно-быть, была сильная боль.

Подиружкий поднялся, — ему уже это было дозволено, и сѣлъ на постель.

— Усенко! Ты такъ-нашеле!

Усенко повернулъ къ нему голову, лежащую на подушкѣ, и улыбуясь своей широкой улыбкой, открывавшей нѣтъ его не особенно бѣлые зубы и десны.

— Подируга! Дружнѣе... Лежишь?

— Да, братъ ты мой, не даи и дымомъ надыхаться. Чуть что не въ первый разъ минуть... А ты... Тутъ про тебя чудеса разсказываютъ... Тебя считали погибшимъ.

— Хе... Какъ бы не такъ!..

— А какъ же ты выберешься?

— А чортъ его знаетъ, такъ... Это, братъ, солдатики ужъ сами...

Впередъ-то я ихъ повелъ, а обратно ужъ они меня несли на плечахъ... Двое суютъ гдѣ-то по лѣсамъ да по болотамъ... Кору грызли, братъ... А меня, думалъ, такъ ужъ, для честнаго погребенія несутъ... Анъ нѣтъ, орать живу, и впередъ намѣренъ жить... Эхъ, чортъ... Какая досада, — утѣрали въ колѣно...

Но разговоръ былъ прерванъ врачомъ, который пришелъ и началъ дѣлать тщательный осмотръ ногъ Усенки. Потомъ скоро его унесли въ оперативную комнату, тамъ вынули какіе-то осколки изъ его ногъ. Хирургъ же онъ отвергъ.

— Я пьяница, и ничего не выйдетъ, — скакать.

Обошлось при помощи мѣтнаго наркоза.

Послѣ полудня лазаретъ посѣтилъ начальникъ диніи, тотъ самый генералъ, что когда-то такъ похвалилъ Подиружкого за библіотеку. Онъ явился специально ради штабсъ-капитана Усенки.

Старый генералъ поцѣловалъ его въ лобъ и поздравилъ съ чинами капитана. Потомъ сѣлъ на его кровати и восторженно говорилъ о его подвигѣ.

— Ваша безудельная смѣлость и рѣшительность, капитанъ, спасла намъ положеніе. Васъ ожидаетъ достойная награда.

— А помните, ваше превосходительство, какъ вы меня разнесли за Лерера и за другую литературу! — добродушно улыбаясь, скакалъ Усенко.

— А, помню, помню... Ну, что жъ, послѣ этого вы перечитали по крайней мѣрѣ сотню книгъ, а?

— Прошу прощенія, ваше превосходительство: ни одной. Генералъ разсмѣялся.

— Такъ-таки ни одной? Что же, вы презираете ихъ, капитанъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, уважаю и боюсь.

— Вотъ какъ? Полковъ непріятельскихъ не убоялись, а книги боитесь. Какъ же такъ, капитанъ?

— Да вѣдь книга думать научаетъ... Вотъ и я, пожалуй, увидѣвъ непріятельскіе пошки, вмѣсто того, чтобы повести своихъ мотоцидовъ впередъ, началъ бы думать и стоялъ бы на мѣстѣ. Тогда бы я не имѣлъ высокой чести видѣть ваше превосходительство у моей постели.

— Гм... Да, да... Въ этомъ вы правы, капитанъ. Намеку брату, воину, думать иногда бываетъ раннѣе смерти. И мы, признаваясь-таки, иногда слишкомъ много думаемъ.

Генералъ поднялся, пожалъ его руку, пожелалъ скорого выздоровленія и ушелъ.

— Усенко, — сказали тогда Подиружкий, и въ его голосѣ слышалась печаль, — вотъ ты заработалъ капитана и Георгія, да и мѣлъ что-то тамъ перепалеть, а нашъ милый Мауровъ...

— А что такое съ нимъ? — съ большой живостью спросилъ Усенко.

— Да съ нимъ уже, братъ ты мой, ничего. Въ землѣ лежить...

— Мауровъ убитъ? Ахъ, Боже мой! — съ волненіемъ заговорилъ Усенко. — Бѣднѣе... Да впрочемъ, что жъ! Онъ вѣдь былъ такой пряткій. Можетъ, онъ потропился, а мы чутьчку опоздаемъ, вотъ и все различіе. Тамъ все встрѣтимся...

Оба задумались и замолкли.

Для ея счастья.

Разсказъ Вадима Бѣлова.

I.

Уже четвертый мѣсяцъ какъ капитанъ Зиминъ командуетъ батальономъ на законномъ основаніи, а потому землянка его, находящаяся, какъ полагаются, при батальонномъ резервѣ, т.-е. въ четверти версты позади передовой линіи, уютнѣе, просторнѣе и даже «комфортабельнѣе» тѣхъ, въ которыхъ живутъ командиры ротъ.

Постарались и солдаты резервной роты, выкопавъ въ мерзлой землѣ, еще въ ноябрѣ, когда полкъ сталъ на позицію, большую яму и обложивъ стѣны ея и полъ одинаковыми круглыми бревнами, постарались и печники, сложивъ изъ обломковъ кирпичей, привезенныхъ съ разбитаго сосѣдняго винокуреннаго завода, печь, но больше всѣхъ, конечно, постарался денщикъ Зимина — Степанъ Желтоновъ, обзавѣившійся о комфортахъ и удобствахъ для своего барина.

Онъ устроилъ ступеньки изъ тѣхъ же обломковъ кирпичей, онъ принесъ изъ обоза раму со стекломъ, наконецъ онъ устроилъ капитану постель изъ еловыхъ вѣтокъ, наложенныхъ толстымъ слоемъ, крестъ-накрестъ, и заставилъ плотниковъ сдѣлать для землянки кое-какую мебель — затѣйливый диванъ изъ березовыхъ молодыхъ стволовъ, пару табуретокъ и столикъ, нѣсколько высокій, правда, но все же очень удобный.

И когда все было готово, капитанъ переѣхалъ и устроилъ «раутъ», т.-е. пригласилъ къ себѣ офицеровъ резервной роты и по одному изъ ротъ, стоявшихъ на позиціи.

Сидѣли часовъ до одиннадцати, а затѣмъ разошлись тѣ, кто пришелъ съ позиціи, и остались резервные «допивать самоваръ» и дождать капитанское нечѣе.

Наконецъ ушли и эти... Когда за послѣдними изъ офицеровъ затворилась скрипучая дощатая дверь, обитая съ внутренней стороны потопищемъ палатки, и капитанъ видѣлъ, кѣмъ мимо никаго, почти подземнаго окна промелькнулъ, ярко выдѣляясь

на серебряномъ бѣломъ фонѣ сѣтга, нѣтъ черные силуэты. Зиминъ приказалъ денщику подать подпудубокъ, чтобы совершить вечернюю прогулку, которой онъ не отбѣивалъ ни по какому поводу и ни въ какую погоду.

— Ваше высокоблагородіе, — откликнулся копошившійся около печки Степанъ, — а почтутъ вы нынче и не просматривали...

— Ахъ, чортъ возьми, я совсѣмъ и забылъ... А ребята-то, поди, ждутъ?

— Такъ точно... фельдфебеля уже по два раза заходили... только я скакать обожать...

— А они что же, ждутъ? — спросилъ капитанъ.

— Инакъ, нѣтъ... ушли...

— Ну, все равно, — рѣшилъ Зиминъ, — давай почту... пошлетъ со связью...

Степанъ бросилъ топоръ и полѣно и откудато изъ-подъ кровати досталъ мѣшокъ, перевязанный веревкой.

Капитанъ снялъ папаху и ушелъ за столъ.

— Что, много сегодня? — спросилъ онъ пестрѣливо.

— Порядочно, ваше высокоблагородіе... Пинуть, все пинуть, дѣлать имъ, видно, нечего...

— Ну, ты не ворчи... Садись да помогай дучше...

Изъ мѣшка на столъ высыпалась цѣлая лавина конвертовъ разныхъ величинъ: пестрыхъ, узкихъ, квадратныхъ, голстыхъ синихъ или красныхъ, голубыхъ и розовыхъ съ цвѣточками и голубками, склеенныхъ изъ газетной бумаги, конвертовъ съ фирмами, открытокъ, бандеролей, и оба, капитанъ и денщикъ, запустивъ въ эту массу бумаги руки чуть не по локоть, принялись за привычное и хорошо знакомое за эти

четыре мѣсяца дѣло.

На каждомъ конвертѣ, по большей части каракулями, неровными и неразборчивыми, среди часто совершенно ненужныхъ словъ и объясненій, значился нумеръ роты адресата, и постепенно вся безформенная груда смѣшанныхъ писемъ превраща-

Александръ Николаевичъ Семеновъ, художникъ-корреспондентъ «Нивы»: награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, раненъ.

Изъ альбома участника войны. Въ занятой австрійской землянкѣ. Рѣс. нашего корреспондента А. Семенова.

ласть в четыре кучки, для каждой роты отдельно. Кроме того, в сторону откладывались офицерские письма и письма для денщиков.

— Эка тоже пишуты!.. — ворчал, разбирая письма, Степка. — И чего только пишут... кто их знает...

— Не ворчи... я тебе ужь сказать...

Степка наморщить лоб и замолчал.

Когда письма были разобраны, капитан перевязал аккуратно каждую пачку веревкой и приказал:

— Отошли со связью по ротам... Понять?..

Степка только кивнул головой и, захватив связки, вышел из землянки.

Капитан взялся было за папаху, но потом, вспомнив, что еще не посмотрел адресованных ему писем, протянул руку к небольшой пачке.

Он уже давно научился быть равнодушным к этой корреспонденции, адресованной просто на имя «командира первого батальона». Он знал, что это были не те письма, которых он ждал, знал, что они не принесут ему никаких приятных новостей, и привык просматривать их безразличным взглядом и приказывать батальонному писарю дать ответ «согласно спискам».

Они все были на один лад, эти письма со именами Сибяри, Закавказья, Маторосии, все они начинались тем же почтительным обращением: «Ваше высокоблагородие», а дальше заключали в себя просьбы сообщить о судьбе какого-нибудь родича, уехавшего на войну и не дававшего давно о себе вестей.

...Не откажите, сообщите, ваше высокоблагородие, милостивый ваш ответ, жив ли муж мой или убит, если убит, то где похоронен и когда помер, или, может, у германца или немца, или в безвестном отсутствии, тоже дайте знать, потому что совсем одна, к тому же и детей у меня пять душ...» и т. д.

Из альбома участника войны. Молитва на позиции. Рис. нашего корреспондента А. Семенова.

И точно так же, как притупляются нервы в вечной опасности, при постоянной близости смерти, точно так же притупляются и нервы капитана к страданиям этих людей, потерявших своих сыновей, мужей и братьев на полях сражений. Он только дблал на углу конверта отблтку синим карандашом: «Писарю справился и ответить» и отблдывать их в сторону.

Между денежными пвтными конвертами случайно попался один хороший, плотный, опятно заклеенный.

Капитан повертел его в руках, прежде чтм распечатать, взглянул на адрес и вдруг наморщить лоб, как бы вспоминая что-то.

Память еще не успела ему точно подсказать, чей это был почерк, но уже каким-то внутренним тайным чутьем Зимин предугадать что-то тяжелое, неприятное, пожалуй, даже трагическое и, не имея сил распечатать конверт, отложил его в сторону.

«Чорт возьми, да чей же это почерк?..» — спрашивать он себя, боязливо глядя на лежащее перед ним письмо и стараясь не слушать внутреннего голоса, подсказывавшего ему что-то.

— Ваше высокоблагородие, — просунуть в дверь голову Степка. — гулять пойдем?.. а?

Зимин быстро взял со стола письмо и сунул его в карман.

— Давай подумуем!.. — приказал он.

И, стараясь быть спокойным перед денщиком, он налегнул на выдвигающиеся пальцы всех крючки подумуем, надел на папаху и, взяв из руки Степана сучковатую палку, вышел через низкую дверь из землянки.

Когда Зимин глядел на таинственный конверт, он еще не имел силу обмануть самого себя и погаться познать знакомый, слишком хорошо знакомый почерк, но когда послышался короткий разговор со Степкой, он выходил в лб, в прозрачную, синюю от наваживающегося посюду дивственного света, поч, в сознании его уже был готовый отбл на заданный им только-что гамом себя вопрос... Он знал, кто писал это письмо «командиру первого батальона», и сбил убит от денщика, чтобы тот не напугал его волнения и внезапной блдности.

II.

Тбл, стоял, одетый в свой роскошный, серебряный, усыпанный алмазами, наряд.

Высокий он, стройный и гордый, не колыхался и не шевелился распростертыми широко черными, отягченными слоем серебряного света, итвми.

Стиль, сухой и легкий, скрипеть под ногами, а тинну ночи разрывал только неожиданно и резко звук одинокого ружейного выстрела, повторяемого лбсом на тысячу различных ладов.

Это перестрблвались наши и неприятельские секреты, залегшие впереди линий. Одиноким немцам нули редко залезли сюда и шелкались о неподвижные мирные стволы старых елей.

Капитан Зимин пошел по знакомой, протоптанной тысячами ног дорожке, ведущей вдоль всего участка его батальона. Отойдя шагов сто, он оглянулся, убедился, что никто его не видит, и достал из кармана спрятанный конверт.

Луч электрического карманика фонарика вспыхнул резко и ослепительно, и в ярком блбм его кружил Зимин снова с поразительной ясностью увидл знакомую закорючку на буквах: «д» и «у» и несл вообще при-

вычный глазу узор тонкого женского почерка.

«Это, конечно, ее почерк... — сказал он про себя, разрывая конверт. — О, Господи, что же это такое?.. Что ей надо еще?.. Зачем она еще пишет?..»

И с трепетом, нетерпением и в то же время страхом приблизился он к выщелому стеклу фонаря блый изотный листок бумаги.

В этом письме обычного обращения не было, начиналось оно просто.

«Убедительно прошу не отказать сообщить что-нибудь о судьбе вольноопределяющегося Александра Николевича Даргана, находящегося в полку с 22-го августа. Четвертый месяц не имбю от него никаких известий и страшно беспокоюсь. Адрес прилагаю».

Внизу была подпись, взглянув на которую, капитан сразу почувствовал, как на мгновение словно остановилось сердце и задрожали когти.

Он устало опустился на пен и нагасил фонарь. Синий флер ночи окутал его тотчас же поспешно и бережно.

Теперь уже все было ясно Зимину, и мысль его заработала спокойно и размеренно.

Он хорошо знал вольноопределяющегося Даргана, пользовавшегося даже пседа его особенным расположением, знал этого черноглазого красавца и хрибреца с университетским значком и гимнастеркой, но никогда капитан Зимин не допускал даже мысли о том, что «лог» и этот Дарган — одно и то же лицо...

Он никогда не видел «того», а к этому привыкая, даже почти подружился с ним, несмотря на разницу служебных положений, за его живой общительный характер, светлый ум и какое-то особенное умение очаровывать людей.

И теперь, когда капитан Зимин узнал неожиданно, что «этот» и «лог» — одно и то же лицо, что он уважал, цблнить и привязался к человеку, которому должен был быть неавиден, к человеку, разрушившему его счастье, — он сразу растерялся и не знал, что теперь предпринять и как поступать.

И, сидя на лбу среди темного ночного лба, понаго странных отголосков от далеких выстрелов и свиста пролетающих гб-то нуль, капитан Зимин вспомнил в сотый раз свою недавнюю трагедию, вспомнил свою потерянность, но еще по сей день горячо любимую жену и еще шже опущенную голову.

И странно показалось капитану, когда он вспомнил, что впервые лишь в тот день, когда жена его бросила и ушла к другому, он понял, что причиной этому была их разница в лбтах, понял, что он уже старик, и что он жестоко ошибался, думая, что возраст не играет роли, быть бы лишь человеком «молодой душой».

И вот именно эта «молодость души» погубила все дбл... Чувствуя себя еще молодым и интересным, чуть-чуть подкрасивая начинающие уже сббть усы и считая жену искренно и навсегда влюбленной в него и неспособной встрбтить кого-нибудь больше себя по вкусу, капитан мало интересовался ее внутренним миром, ее интересами, ее анакетвами и времяпрепровождением. Он был почти весь день занят и видблся с женщиной лишь по вечерам, да и то всегда утомленный работой маршировкой и служебными мелочами.

И вот случилось «это»... Капитан до сих пор не мог без воденья и страдания вспомнить тот день, перевернувший все его мировоззрение, разрушивший его глубокую уверенность в себе, как в «молодом мужчине», и наконец лишивший его жены, которую, как он только потом почувствовал, Зимин любил гораздо больше, чтм ему это казалось раньше.

Она ушла неожиданно для капитана, ушла днем, оставив записку на стол, которую он нашел, когда со службы вечером: она просила только о разводе, говоря, что теперь только она поняла, что такое любовь и счастье.

«...Ты прости, меня, Володя, — писала жена, — ты мбл был очень близок, дорог, уважаем, но, я не знаю почему, я никогда не испытывала к тебе того чувства, которое сейчас испытываю к нему...»

«Ты будешь благодарен, я знаю, — кончала она, — ты не будешь отпугивать или пытаться разрушить мою жизнь, потому что любишь меня, мои же чувства остались к тебе прежними, —

Из альбома участника войны. Ходь сообщения и вторая линия окопов. Рис. нашего корреспондента А. Семенова.

клянусь тебе, — но вошло в мое сердце еще одно, которого нам не хватало, и оно побдило все остальные...

И дблбвительно, как он тикет, быть для капитана удар, он покорило, быть-може, именно потому, что нанесло в душу стбл на ее вопрос: «чего им не хватало?.. он даже согласился на развод, но тут началась война, полк выступил, и все остальное, каждодневное, будничное и обыкновенное отшло на второй план, уступив мбго другим интересам и мыслям.

«Так значит, — подумал капитан, — я почти четыре мбнца прожил с ним бок и не подблбл этого?..»

И, подумавшись с ним, пошел опять вдоль высокой стбны молчаливых елей, еще более наводненные внезапно нахлынувшими воспоминаниями, еще более растерянный и смущенный.

III.

Участок третьей роты выходил углом на болото, теперь замершее, но весной, лбтом и осенью совсем непроходимое, а потому оставленное неукрбленным и охраняемое лишь полемым караулом.

Но ту сторону болота были ясно видны на черном фон лба блые, покрытые бруствера немецких окопов, прорбзанными в них бойницами для пулеметов, а в бинокль можно было различить и уак, параллельные земля цели для ружейного огня.

Капитан Зимин спустился в ходь сообщения, прошел по его извилистым лббкам десятков шагов и вышел в самый дальний угол, — прятый блиндажем, длинный, темный коридор, но урак, которого лишь чербл фигуры наблюдателей и тускло поблескивали затворы выглядывавших в бойницы винтовок.

Чтобы идти под низким блиндажем, капитану приходилось нагибаться, он был высок ростом и грузен, и вот недалеко путь утомил его.

Зимин дошел до конца окопа, где почва резко спускалась вниз и начиналось болото, вылез из-под блиндажа и окликнул часового:

— Где землянка фельдфебеля?

Прислонившийся грудью к брустверу солдата, покуривавший

скрученную из галетной бумаги панировку, сперва нехотя одянувшись, но потом, узнав по мраку крупную фигуру батальонного командира, спрятать цыгарку в рукав, вытянулся и отбыл.

Направо, наше высокоблагородие, по переулку первая землянка...

Солдаты уже привыкли называть извилистые ходы сообщениями улицами или переулками, в зависимости от их длины и ширины, и действительно эти глубокие, переплетающиеся ходы, по обитым сторонам которых были выкопаны землянки, затененные дома, были очень похожи на улицы громадных, густо населенных подземных городов.

Зиминь нашел без труда землянку фельдфебеля. Это была глубокая нора, выходившая в переулок низкой дверью, затененной пататкой, сквозь дыры которой просачивался робкий красноватый свет тлющих в печи поленьев.

Капитань наклонился к двери... Теперь он уже решил, что тлеть.

— Вольноопределяющийся Дарагань, — окликнул он, — вы здесь?

Кто-то зашевелился в норе, и ответил молодой свѣжій голос:

— Зѣсь... А это кто?

— Это капитань Зиминь... А вы что, спите?

— Никто нѣтъ, не сплю... чай допиваю... Я сейчас выйду...

И через минуту из-под земли показалась красивая голова молодого человека в фуражкѣ и кожаной курткѣ, на ходу натягивавшего на плечи шинель.

— Я вам помѣнать?.. а?.. — спросил тихо капитань, разглядывая внимательно вольноопредѣляющегося и думая в то же время: «Какой однако красавец!.. Я раньше даже не обращать вниманія!.. Неудивительно, что она...» И не докончив своей мысли, стало опять тяжело и скверно от проснувшегося ревнивого чувства.

— Пройдетесь, друг мой, — сказал капитань, — хочется съ вами побесѣдовать...

Дарагань уже застенчиво шепнул и охотно теперь согласился:

— Съ удовольствіемъ, Владиміръ Васильевичъ!.. Ночь превосходная!

Они пошли молча по длинной узкой канавѣ хода сообщения наладъ къ гамой туцѣ лѣса, гдѣ можно было уже безопасно выйти на поверхность земли.

Когда ходъ кончился и они вышли наверхъ, Дарагань догналъ капитана и пошелъ съ нимъ рядомъ.

— Скажите, Дарагань, — спросилъ нѣсколько минутъ спустя капитань, — останитъ и позабытъ все заранѣе приговоренныя слова и фразы, — почему вы больше ей не пишете?

Тотъ вздрогнулъ сразу, но тотчасъ же вяло себя вѣнулъ.

— То-есть кому, Владиміръ Васильевичъ? — спросилъ онъ, приподнявъ брови.

— Не притворяйтесь, Дарагань, я отлично все знаю, да и вы прекрасно понимаете, о комъ идетъ рѣчь... Скажите, почему вы ей не пишете и заставляете ее страдать и беспокоиться?

Дарагань остановился и, замурмысивъ на минуту, спросилъ першннчливо:

— Вы говорите...

— Да, да, да, именно... я говорю о Надеждѣ Сергѣевнѣ, — докончилъ за него капитань.

Въ эту минуту гдѣ-то совсѣмъ близко отъ нихъ щелкнула о стволъ дерева пѣмецкая пуля. Оба невольно принуждены головы.

— Сойдемте лучше въ ходъ, — предложилъ Дарагань, — сюда иногда и не одна пуля залетаетъ.

Но капитань нетерпѣливо покачалъ головой и не отвѣтилъ даже, лаяный своей мыслью.

— Да, я именно говорилъ вамъ о Надеждѣ Сергѣевнѣ Зиминь. — продолжать онъ. — Вѣдь вы знали такую?.. Не правда ли?..

— Зиминь?.. — переспросилъ Дарагань, словно не понимая, и вдругъ, взглянувъ на капитана, сдѣлать шагъ назадъ; его, вѣднмо, поразило сходство фамиій, ему въ голову, вѣроятно, также пришла эта странная мысль.

— Что, — замѣтилъ между тѣмъ

капитань съ грустной улыбкой, — вы удивлены?.. и, кажется, не меньше моего... Ни вы ни я не подумали ни разу, что мы соперники... Не правда ли, странно?..

— Такъ неужели же Надежда Сергѣевна... — началъ опять вольноопредѣляющійся, все еще не пришедшій въ себя отъ изумленія.

— Да конечно же, чортъ возьми... Я вамъ говорю, что Надежда Сергѣевна Зимина, моя жена, то-есть бывшая жена, конечно... Ясно?..

Оба замолчали и опять пошли по тропинкѣ, стараясь машинально шагать въ ногу.

Молодой человекъ постепенно пришелъ въ себя отъ неожиданности и удивленія, онъ теперь уже съ любопытствомъ разглагольствовалъ обоимъ капитанамъ и думалъ:

— Такъ вотъ онъ, ея супругъ... Однако онъ почти въ два раза старше ея, неудивительно, что она и бросила его...

И тутъ только вспомнилъ Дарагань, что Зиминя почти никогда не говорила ему о мужѣ, стараясь всегда обходить этотъ вопросъ, и видно было, что ей было неспрѣятно и тяжело вспоминать о немъ. И вотъ теперь этотъ таинственный человекъ былъ передъ нимъ, передъ Дараганомъ, и вовсе не казался грознымъ, а, наоборотъ, казалось, пришелъ просить о чемъ-то.

— Видите ли, Владиміръ Васильевичъ, — началъ тогда молодой человекъ, — я действительно давно пересталъ писать вашей... да Надеждѣ Сергѣевнѣ, но у меня были на то вѣскія причины... уверяю васъ... Я готовъ даже сказать вамъ, почему именно я не пишу ей и заставляю ее беспокоиться и мучиться, какъ вы сказали, но скажите же ради Бога мнѣ, откуда узнали вы сегодня, что я именно тотъ самый человекъ, съ которымъ сошлась... Дина?

Капитань протянулъ ему конвертъ и зажгъ фонарикъ. Дарагань быстро пробѣжалъ глазами письмо, и Зиминь видѣлъ, какъ дрогнули его губы, и обрисовалась на лбу глубокая морщина.

— Ну-съ, такъ какъ же?.. — спросилъ капитань, прижавъ письмо въ карманъ. — Чѣмъ же провинилась Надя передъ вами, что вы рѣшили ей не писать и помучить ее?

— Почти тѣмъ же, чѣмъ и противъ васъ, господинъ капитань, — глухо отвѣтилъ Дарагань, не глядя на него.

Изъ альбома участника войны. Передовая линия. Послѣ тревожной ночи. Рѣс. нашего корреспондента А. Семенова.

Зимину показалось, что онъ ослышался, онъ схватилъ за руку вольноопредѣляющагося и, приближая къ его лицу свое, почти закричалъ:

— Какъ, она измѣнила и вамъ?.. Она и вамъ измѣнила, я васъ спрашиваю? Да говорите же ради Бога... какъ это было?.. Говорите, не мучьте...

Дарагань осторожно высвободилъ руку и заговорилъ:

— Къ сожалѣнію, я могу вамъ сказать очень немного, Владиміръ Васильевичъ, я могу вамъ только сказать, что Дина хотя и не бросила меня, какъ бросила васъ, но измѣнила мнѣ. Это собственно и послужило однимъ изъ мотивовъ того, что я раньше призываю пометъ на войну добровольцемъ... Понимаете?..

Капитань понималъ все отлично, голова его еще глубже ушла въ плечи, и самъ онъ теперь казался еще старше и утомленнѣе.

— И что же, — заговорилъ онъ тихо, — вы такъ и думаете ее теперь бросить?

Дарагань пожалъ плечами:

— Зачѣмъ же бросить?.. Я просто нечелю для нея, какъ нечелю теперь изъ жизни тысячи людей... Пусть она думаетъ, что я убитъ, что я пропалъ безъ вѣсти... что угодно!.. Я ей никогда не говорю, что я скрываюсь... Вотъ и все...

— Но вѣдь она же васъ любитъ и теперь, если пишетъ и спрашиваетъ о вашей судьбѣ?

— Можетъ-быть, но зато теперь я плохо вѣрю ей любви...

— О, вѣдь, — заговорилъ горячо и страстно Зиминь, — она васъ любитъ еще, и вы не должны быть строги къ ней... Вы должны, прежде чѣмъ судить, подумать о томъ, какія послѣдствія будетъ имѣть вашъ приговоръ... Вы подумайте!.. Жена, бывшая отъ мужа, въ концѣ концовъ не такъ ужъ это ужасно... особенно отъ такого стараго мужа, какъ я... Но жена, бывшая отъ мужа, а затѣмъ и отъ любовника, это уже въ тысячу разъ хуже... Не такъ ли?

Дарагань молчалъ.

— Что оставите вы ей теперь, когда она будетъ даже, допустимъ, знать, что вы погибли на войнѣ... что?.. Вы предоставите ей самостоятельно спускаться съ одной ступени на другую все ниже и ниже... Вы оставите ее падать, вы, единственный, который можетъ ее спасти, и которого она все еще любитъ... Подумайте!.. О, сейчасъ я самъ готовъ быть бы поити ей на помощь, самъ сдѣлать бы все, что угодно, чтобы только спасти ее, но я безсиленъ, и вы знаете, почему... потому что я не люблю ея... А между тѣмъ все теперь въ вашихъ рукахъ...

— Вы думаете?.. — задумчиво переспросилъ Дарагань.

— Конечно!.. Господи, да это такъ ясно... Напишите ей, подержите ее и затѣмъ посмотрите, стоитъ ли она вашей дальнѣйшей поддержки... и тогда уже судите, а пока будьтенисходительны къ женщинѣ, которая ради васъ не боялась... Ну, да вы сами отлично, я думаю, понимаете, о чемъ я говорю?..

— Да, конечно, — тихо сказалъ тотъ и остановился.

Пошелъ снѣгъ, и бѣлая, легкая и затѣйливая снѣжинки, кружась, тихо падали на деревья, людей и землю.

— И сейчасъ въ странной роли, — продолжалъ, беря его за руку, капитань, — мужъ, упрямивающій любовника не бросать его жены, — это не совсѣмъ обычный случай... Но вы меня понимаете... Вы понимаете, что я до сихъ поръ еще люблю Надю и боюсь за нее, какъ боялся за ея судьбу и прежде... Я боюсь, что вы, не разсудивъ, дадите ей тотъ толчокъ, который послужитъ началомъ ея окончательнаго паденія... Не бросайте же ея, которая такъ васъ любитъ, испытайте ее прежде, а потомъ... Богъ намъ судья!.. Тогда ужъ и вина не на васъ падетъ...

Дарагань, казалось, думалъ о чемъ-то совсемъ постороннемъ, но на самомъ дѣлѣ каждое слово капитана касалось его сердца...

Изъ альбома участника войны. Артиллерійскій наблюдательный пунктъ. Рѣс. нашего корреспондента А. Семенова.

Онъ снова наклонилъ голову, чтобы капитанъ не могъ видѣть его наклоненнаго лица.

И въ тишинѣ лѣса, приоткрывающаго подъ ноюіе звуки пролетающихъ гдѣ-то вдали пуль, Зиминь устымать его тихій голосъ:

— Хорошо, попробуетъ... Я напишу ей...

— Общидете?.. — задыхаясь отъ волненія, спросилъ капитань, наклонясь къ нему.

— Общидаетъ... — коротко отвѣтилъ вольноопредѣляющійся и, повернувшись круто, не поднимая головы, быстро пометъ къ ходу сообщения, словно боясь, чтобы капитанъ не нагналъ его и не увидѣть выступившихъ на его глазахъ слезъ.

IV.

Возвратясь назадъ въ свою «комфортабельную» землянку, капитанъ разбудилъ Степку и приказалъ ему достать бумагу и чернила. Сонный Степка, не спѣша и задѣвая со сна боками то табуретку, то диванъ, достать все просимое и, не обративъ даже вниманія на разстроенное и взволнованное лицо барина, пошелъ спать «съ того мѣста, на которомъ остановился».

А капитанъ между тѣмъ, стараясь измѣнить почеркъ, писалъ: «М. Г. Въ отвѣтъ на вашъ запросъ о судьбѣ вольноопредѣляющагося Александра Дарагана, сообщаю вамъ, что послѣдній живъ, здоровъ и числится въ спискѣхъ третьей роты».

И, сдѣлавъ вмѣсто подписи какую-то фантастическую накорючку, капитанъ заклеилъ письмо, напечаталъ адресъ и отложилъ конвертъ въ сторону.

Затѣмъ снялъ китель и сапоги и, оставшись въ фуфайкѣ, долго и горячо молился на маленькій, висѣвшій въ головахъ, складень. Задуть свѣчу и укрывшись одеяломъ, не сразу заснулъ, а по привычкѣ все прислушивался къ одинокимъ ружейнымъ выстрѣламъ и шелканью о деревья пулъ.

На новыхъ мѣстахъ.

Разсказъ Юрія Волина. Иллюстрація П. Бучкина.

Въ городѣ жителей пятнадцать тысячъ. Бѣженцевъ прислали сюда пять тысячъ. Потѣпились немного, всѣхъ уместили. Всѣ наши себѣ кровъ, питаніе, уходъ въ болѣзни, школу для своихъ дѣтей, а кто способенъ на работѣ, нашель и работу.

Больше русскіе города неспугались нацыва бѣженцевъ, замкнулись, напустились, поставили сторожей у воротъ: „пробави даьше!“

— Изъ Ковны повезти насъ въ Харьковъ, — рассказывалъ мнѣ бѣженецъ. — Было насъ шестьдесятъ вагоновъ... Шестидесять вагоновъ, биткомъ набитыхъ... Сосчитайте-ка, сколько!.. Ну, въ Харьковъ насъ не приняли. „Много здѣсь уже!“, — говорятъ. Повезти насъ дальше. Привезли въ Симферополь. И Симферополь не захотѣлъ насъ принять. Продержали насъ сутки въ вагонахъ и направили побѣдъ назадъ... Ну, здѣсь городокъ, маленький. Слова не сказали, всѣхъ приняли, накормили да размѣстили по квартирамъ...

Въ маленькихъ городахъ мѣста гораздо меньше, чѣмъ въ большихъ городахъ. И средствъ меньше, и благотворительныхъ обществъ, и работы. Но душа больше въ маленькихъ городахъ.

— Надо же имъ, бѣднымъ, гдѣ-нибудь пріютиться!.. Не бѣдѣлики же! Не по своей вѣдѣ вошь безъ крова остались!..

Такъ разсуждаютъ маленькіе русскіе города и широко открываютъ двери передъ изгнанниками войны.

Я засталъ ковнскихъ бѣженцевъ уже освоившимися съ новой обстановкой жизни, пустившими корни въ новую почву, советамъ оправившимися отъ порекитыхъ ужасовъ.

Въ душную зѣбучую ночь я выхожу изъ дому.

На скамеечкѣ во дворѣ сидитъ ночной сторожъ, пожилой еврей, бѣженецъ. Онъ посасываетъ трубку и безъ голоса, гортаннымъ мурлыканьемъ, выводитъ какой-то одиотный спитогальный мотивъ.

Присаживаюсь.

— О чемъ думаете, дѣдъ?

— О чемъ думаю? — переспрашиваетъ онъ. — О чемъ можетъ думать старый раби Элія Гинсбергъ, которому приходится всю ночь не смыкать глазъ? О жизни, о смерти и о суетѣ суеты!

Старикъ любитъ пофилософствовать. Къ этому приучила его вся его прежняя жизнь.

На родинѣ, въ Ковнѣ, раби Элія Гинсбергъ былъ „ученымъ“, то-есть, не занимался ничѣмъ. Его жена, — онъ говоритъ о ней съ уваженіемъ: „моя хозяйка“, имѣла бакалейную лавочку, а онъ сидѣлъ по цѣлымъ днямъ въ синагогѣ и изучалъ Талмудъ.

Здѣсь, на новомъ мѣстѣ, пришлось устроиться иначе. Время заботы о пропитаніи семьи старому Элію пришлось вложить на свои плечи. Жена ничего не могла здѣсь заработать, а для него нашлось мѣсто ночного сторожа.

— Что же, нравятся вамъ здѣсь? — спрашиваю его.

Онъ отвѣчаетъ поэтѣйски раздумья, нараспѣвъ, какъ бы рѣшая сложную талмудическую задачу:

— Нравится ли, не нравится ли, разбѣ можетъ человекъ задавать такіе вопросы? Что значить нравится? Ну, а если вѣтъ, если не нравится, такъ я развѣ могу все это перемѣнить? Развѣ я могу сказать, пусть будетъ такъ, какъ было? Пусть не будетъ войны, и пусть Ковна опять станетъ Ковной, моя хозяйка опять лавочницей, а я ученымъ евреемъ? Вѣдѣ я же не могу такъ сдѣлать, значить, я долженъ сказать по библейскому завету: и это къ добру!.. Однимъ словомъ, пусть будетъ такъ. Да, нравятся.

Сказавъ это, старикъ, однако, продолжаетъ свои размышленія на затронутую тему. Въ этомъ особенность его ума. О чемъ бы ни заговорили, онъ долженъ исчерпать тему до конца, перебрать всѣ доводы за и противъ, подвести итогъ.

— Съ одной стороны, — начинается онъ поэтѣйской паузы, — чѣмъ я могу быть доволенъ?.. Вотъ я ночной сторожъ. Ночной сторожъ! Вѣдѣ это же такое высокое знаніе, что для него стоило-таки сорокъ лѣтъ сидѣть надъ Талмудомъ. Не правда ли? Я вамъ скажу, что въ Ковнѣ никто не рѣшился бы предложить мнѣ такую службу. Мнѣ! Человеку, съ которымъ самъ равинъ обсуждалъ непонятныя мѣста въ Писаніи!.. И въ Ковнѣ мнѣ-таки было бы стыдно заниматься такимъ дѣломъ. Ну, а здѣсь совсемъ другое. Тутъ живутъ богатые Миркины, у котораго три дома въ Ковнѣ, поступилъ на службу въ страховое общество ничего не за сорокъ рублей въ мѣсяць. А Рабиновичъ, хозяинъ большого мануфактурнаго магазина, нанялся извозчикомъ... Что же послѣ этого говорить обо мнѣ!.. Я же охотно бы былъ бѣнякомъ и остался! Теперь возьмемъ наоборотъ, — нараспѣвъ продолжаетъ старикъ. — Что, собственно, плохого въ томъ, что я служу сторожемъ? И почему это стыдно? Развѣ наши отцы, ученые талмудисты, не занимались физическимъ трудомъ? Одинъ былъ садовникомъ, другой кузнецомъ, третій бочаромъ... Развѣ это стыдъ?.. И я вѣдь скажу: вотъ мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, и я только теперь узнаю, какое красивое небо бываетъ на расвѣтѣ, и только теперь увижу росу на травѣ, и только теперь научился сидѣть въ одиночествѣ безъ книги и размышлять!

— Выходитъ, что вы довольны? — стараюсь я подвести итогъ его разсужденіямъ.

Онъ пожимаетъ плечами.

— Что значить доволенъ? Скажите, пожалуйста, могу я быть довольнымъ, если я лишился дома, если расцѣпана по свѣту моя семья, если не знаю я, что будетъ со мной завтра? Хорошо вамъ, со стороны, разсуждать: чего ему не хватаетъ? Сидѣть, имѣть пріюта, и слава Богу!.. Но если бы вы знали, что я потерялъ, вы не разсуждали бы такъ!

Я сочувственно выдыхаю.

Это опять не нравится моему своеобразному собеседнику.

— Возьмемъ наоборотъ! — еще разъ заявляетъ онъ.

И, „взявъ наоборотъ“, находитъ сотни доводовъ въ пользу того, что теперь ему, въ сущности, живется гораздо лучше, чѣмъ жилось дома.

„На новыхъ мѣстахъ“. Къ разсказу Юрія Волина. Рисунокъ П. Бучкина.

Такъ до бесконечности длится разсужденіе стараго философа изъ Ковны. И кажется, никогда не придетъ онъ ни къ какому выводу: нѣтъ безпредѣльна возможность „брать наоборотъ“.

Только замѣтивъ, что и уснуть и собраться покинуть его, старикъ философа, сѣбно подводитъ итоги своимъ изысканіямъ.

— Вы спрашиваете, нравятся мнѣ или не нравятся на новомъ мѣстѣ? Но это же пустой вопросъ! Это по-вашему, по вашимъ наукамъ, земля — шаръ и вертится вокругъ солнца. А я думаю, что земля, это — благодѣно въ рукахъ Бога. И когда Господь Богъ видитъ, что очень уже грязно и тѣсно стало въ блядечкѣ. Онъ перепорачиваетъ его. Ну, когда мѣръ перевернуть вверхъ дномъ, что значить тогда очень маленький человекъ? Одинъ старый еврей изъ Ковны? Такъ если онъ не вывалился и виситъ еще

гдѣ-то на кончикѣ бляды и еще бѣрежится, такъ онъ уже и счастливъ!.. Ну, если не падаетъ, то гдѣхъ зорь, пока блядечка не будетъ опрокинута совсемъ. Но тогда не будетъ ни довольныхъ ни недовольныхъ. Тогда всѣ полетятъ, и думать не когда будетъ!

— Однако, вы слишкомъ мрачно смотрите на будущее!

— Что значить мрачно? Почему мрачно? Советамъ наоборотъ! Господь Богъ покажетъ выйдешу изъ блядечки все старое, такъ Онъ можетъ наполнить его новымъ! Если шель не будетъ, такъ это уже мрачно!.. Будетъ новый мѣръ, новые люди. И старое все будетъ лучше, чѣмъ раньше!

Я ухожу, а старикъ остается на свѣтѣ постоу. Ночь еще велика, онъ еще много успеетъ обдумать и много мировыхъ вопросовъ разрѣшить до разсвѣта.

Три сестры.

Вѣра.

Надежда.

Любовь.

Когда горѣли кровлю зори

Въ часъ испитаній и потери, —

Она пришла съ опечетъ во взорѣ,

Сказавъ: «Пли, борись и вѣри!»

Взглянь лио души моей измѣрить,

Я съ вѣрой испитаній ждалъ;

И тамъ въ бою въ побѣду вѣрить,

И видѣть смерть... и побѣждать.

Когда я раненный лежалъ,

Сомкнувъ измученныя вѣки, —

Небесный лучъ въ душѣ прожгъ,

Небесный лучъ — сестри Надежда.

Стрѣла я, боль была остра..

Но надо мной она склонилась —

Илежда свѣтлая сестра,

Я ея дышала, ей сердце билось.

Я видѣть не труга въ крови

И съ пересохшими устами, —

Въ тотъ мигъ я лишь святой Любви

Улыбъ, улыбающий цвѣтами..

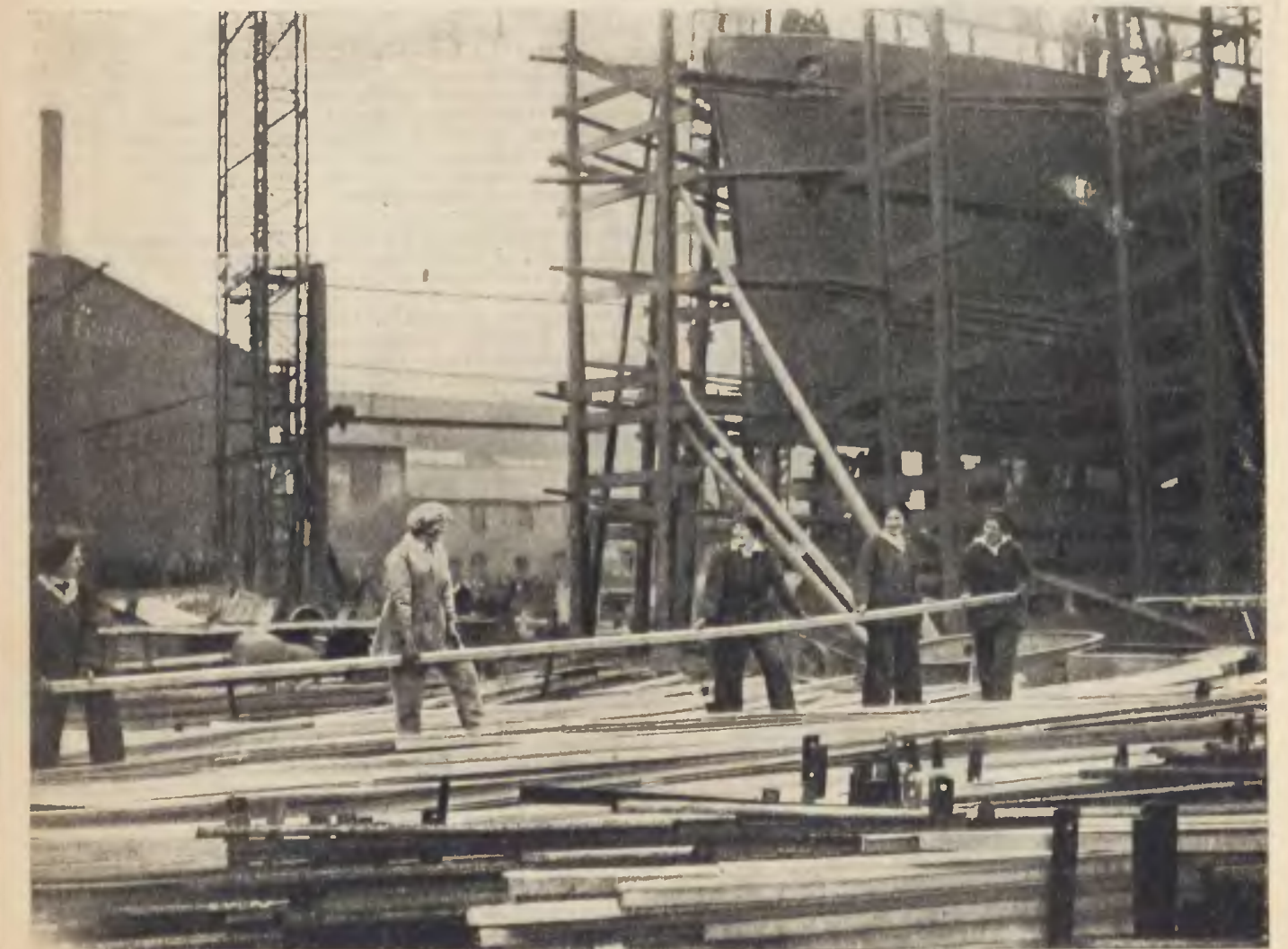
Линьдуть вознать ясность — «любить»,

Я сибѣ увидалъ изъ тумана:

Я дѣлъ врану воды нести,

Перевозилъ, какъ брату, рану..

Михаилъ Андреевъ.

Война и женскій трудъ въ Англіи. На судостроительномъ заводѣ.

Пруссия и освобождение Польши.

Предчувствуя, что русские войска скоро вернутся на Вислу и что поляки встретят их, как долгожданных друзей, итмцы горюпят, покуда не поздно, какой угодно ценой списать расположение поляков.

Они вдруг объявили себя давнишними печальниками Польши, ее рыцарями, ее патронами, признаются ей в старинной любви, общаются ей цѣлыя горы блаженства, лишь бы они въ этот рѣшительный миг не отдали своего сердца России.

Нѣмешкій канцлеръ заявляетъ теперь, что Германия почитаетъ своимъ священнѣйшимъ долгомъ создать на пепелищѣ разоренной страны независимую вольную Польшу, а нѣмешкія газеты, какъ по командѣ, затараторили вдругъ о многолѣтней преданности всего фатерланда великому польскому дѣлу.

— Мы не то, что русскіе, — повторяютъ онѣ. — Мы ваши исконные друзья.

Но въ правѣ ли итмцы похвалиться теперь предъ поляками своей давнишней любовью къ Польшѣ? Служить ли исторія ихъ бывшихъ отношеній къ полякамъ достаточной порукой за будущую судьбу королевства? Могутъ ли поляки питать къ нимъ до-вѣріе, памятуя ихъ прежнюю дружбу?

Съ большою отчетливостью отвѣчаетъ на этотъ вопросъ англійская газета „Morning Post“, напоминая нѣсколько показательныхъ фактовъ изъ области германо-польской политики.

Присмотримся къ этимъ фактамъ. Когда въ Россіи, послѣ Крымской кампаніи, съ усиленіемъ, освободительныхъ идей, русское общество стало высказываться за необходимость возвращенія Польшѣ ее бывшей самостоятельности, Отто фонъ-Бисмаркъ, лавный пруссакъ, былъ очень возмущенъ этимъ стремленіемъ.

„Неужели, — пишетъ онъ, — возможно удовлетворить вожделениямъ поляковъ и отдать имъ польскія земли въ Польшу. Спешимъ и Пруссіи, развѣ это угрожаетъ самому существованію Пруссіи и создаетъ необходимость при всякомъ боевомъ столкновеніи съ Франціей, держать на нѣмешко-польской границѣ значительное количество войскъ для обороны отъ вторженія поляковъ?“

Когда, подъ вліяніемъ либеральныхъ идей, Императоръ Александръ II пожелалъ дать Польшѣ автономію и вице-канцлеръ князь А. М. Горчаковъ учредить особый комитетъ подъ предѣлительствомъ маркиза Веленпольскаго, для выработки принциповъ, на основаніи которыхъ можетъ быть даровано Польшѣ самоуправленіе, не нарушающее связи съ Россіей — Бисмаркъ, бывшій въ то время прусскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ, считалъ все возможное, чтобы помѣшать освобожденію Польши. Вотъ что доносилъ онъ по этому поводу въ Берлинъ министру иностранныхъ дѣлъ фонъ-Шлейнхуту:

„Ничего хорошаго (для Пруссіи) отсюда не выйдетъ. Я нѣмю въ этомъ смѣлѣ на Царя и надѣюсь на поддержку Горчакова, который все же, чтобы оправдаться предъ либеральными кругами, всюду благовѣститъ о моихъ „энергичныхъ протестахъ“.

Не получивъ автономіи, Польша возстала. Мятавъ быть подавляемъ сурово, несмотря на заступничество Великобританіи и Франціи. Бисмарку это было на-руку, ибо, какъ писалъ онъ тогда, „если бы русскіе объединились съ французами въ своемъ благожелательствѣ къ Польшѣ, это угрожало бы серьезной опасностью Пруссіи“.

Однако русскіе въ лицѣ либеральныхъ круговъ продолжали высказывать симпатіи къ страдальческой Польшѣ. Вѣруя, что, ради блага самой же Россіи, надлежитъ дать полякамъ свободу, Англія, со своей стороны, высказывала такіе же взгляды и горячо заступалась за Польшу предъ правительствомъ Александра II. Франція тоже. Россія, подъ вліяніемъ этихъ державъ, склонилась было къ послабленіямъ и уступкамъ, но Пруссія выжидала и тутъ и заключила съ Россіей военную конвенцію, по которой обязывалась, въ случаѣ нужды, выставить противъ поляковъ войска.

Нужды не было въ этихъ войскахъ ни маѣйшей, и изъ канцеляріи пачетника Польшѣ было послано въ Берлинъ заявленіе: „Для насъ не существуетъ смертельной опасности, и мы не доведены еще до того, чтобы нуждаться въ содѣйствіи иностранныхъ войскъ“.

Тѣмъ не менѣе эта конвенція была все же заключена въ угоду Великобританіи и Франціи. Она была навязана Россіи фонъ-Бисмаркомъ, который писалъ, торжествуя:

„Этой конвенціей мы значительно усилили вліяніе анти-польскихъ и анти-французскихъ придворныхъ партій и такимъ образомъ положили конецъ всякой першинтельности по отношенію къ полякамъ. Это и поведетъ къ энергическому подавленію ихъ мятежа“.

Серьезнымъ противникомъ всѣхъ прожектовъ Бисмарка противъ освобожденія Польшѣ былъ тогдашній англійскій посолъ, который многократно наскакивалъ на выношеніи нашихъ давнихъ обязательствъ къ Польшѣ. Бисмаркъ выходилъ изъ себя:

„Почему это Англія такъ рьяно противится намъ? Должно-быть, по невѣдству въ дѣлахъ континентальной политики. Вѣдь независимая Польша для насъ то же самое, что большая фран-

цузскія арміи на Балканахъ. Польша всѣмъ основана на Балканахъ, она стоитъ между Россіей и Франціей. Можете ли мы удержаться на Рейнѣ, если у насъ за спиной будетъ независимая, свободная Польша?“

Бисмаркъ такъ и заявилъ тогдашнему британскому послу сэру Льюису Бьюкенену, отцу нынѣшняго посла сэра Джорджа что Пруссія никогда не потерпитъ у себя по соседству свободной, самостоятельной Польшы.

Если бы даже польскимъ повстанцамъ и удалось одолѣть русскія войска, Пруссія не преминула бы тотчасъ же занять королевство.

Свобода Польшы для Пруссіи гибель, такова была постоянная формула германскаго желѣзнаго канцлера.

Намѣкнулъ ли съ этой поры отношенія Пруссіи къ Польшѣ? — спрашивается въ своей статьѣ „Morning Post“. Нисколько: Бисмаркъ-Гольбергъ точно такъ же увѣренъ, что „Пруссія не потерпитъ у себя по соседству вольной, независимой Польшы“. Поэтому-то онъ и жаждетъ присоединить ее къ Пруссіи.

Война и идеалы.

Рѣчь Ллойда-Джорджа.

(Къ рис. на стр. 640 и 641).

Величайшій государственный дѣятель нынѣшней Англіи, военный министръ Дэвидъ Ллойд-Джорджъ, недавно покинувшій постъ министра военныхъ снабженій, является самой оригинальной фигурой въ исторіи британской общественности. Онъ вышелъ изъ народа. Его отецъ былъ мелкій ремесленникъ въ Уэльсѣ. Въ нѣсколько лѣтъ изъ заходустнаго аюката онъ сталъ однимъ изъ первыхъ вождей великой Британской имперіи. Его чарующее краснорѣчіе, удивительно-огненное, всегда увлекаетъ націю, доводитъ ее къ высочайшимъ идеаламъ, къ героическому самоотверженію и подвигу.

Въ качествѣ министра финансовъ, онъ провелъ въ жизнь драгоцѣннѣйшій законодательный актъ: государственное страхование рабочихъ. Благодаря ему, нынѣ въ Англіи нѣтъ старика, негоднаго къ работѣ, получающаго отъ правительства пенсію.

Когда грянула война и обнаружилось, къ общей тревогѣ, что ни у англичанъ ни у насъ не хватаетъ ни орудій ни снарядовъ для отраженія могучаго врага, вооруженнаго съ ногъ до головы, нація признала Ллойда-Джорджа, вѣря, что изъ всѣхъ людей въ Англіи только онъ одинъ можетъ совершить это чудо: превратить всю страну въ арсеналъ, создать изъ ничего на пустырѣяхъ и дугахъ цѣлыя мити заводы, которые съ фантастической скоростью, въ нѣсколько мѣсяцевъ, дадутъ и британской и русской арміямъ милліарды необходимыхъ снарядовъ.

Здѣсь нужны были титаническія, сверхчеловѣческія силы, и такъ мы знаемъ, онѣ у Ллойда-Джорджа нашлись. Этотъ вдохновенный работникъ, сверхъестественнымъ напряженіемъ изобрѣтательности, воли, энергіи, всѣхъ своихъ грандіозныхъ душевныхъ силъ, спасъ свою белоруку страну отъ разгрома, обеспечилъ ей и ея союзникамъ вѣрную и прочную побѣду и только тогда покинулъ свой постъ, когда нынѣшнее наступленіе англо-французовъ и русскихъ показало, что онъ свою миссію выполнилъ, что снарядовъ и орудій достаточно, что опасность совершенно прошла.

Теперь, послѣ смерти Китченера, на смѣну этому военному гению Англія не могла выбрать никого иного, кромѣ того же Ллойда-Джорджа. Если есть гдѣ въ государствѣ самое трудное и ответственное мѣсто, туда непременно избираютъ его. Можно себя представить, сколько хлопотъ, превращеній, заботъ въ такое горячее время у этого воинскаго министра. И что же? Варутъ, пронесся по Англіи слухъ, что онъ, самый занятый человѣкъ во всей Англіи, наѣтрени, — ни съ того ни съ сего — оторваться отъ насущнѣйшихъ дѣлъ государства и отправиться къ себѣ въ заходустье на родину, чтобы тамъ принять участіе въ хорѣ какихъ-то деревенскихъ пѣндовъ.

Наумленіе было огромное.

— Это невозможно, — кричали газеты, — военный министръ не смѣетъ предаваться пустымъ развлеченіямъ въ такое грозное, опасное время!

Но Ллойд-Джорджъ остался изрѣсь себя.

Празднично и охотушно настроенный, изъ жены и дочкою, какъ интимнѣйшій и мирный обыватель, пріѣхалъ Ллойд-Джорджъ въ толпу заходустныхъ пѣндовъ и прислушавшись къ ихъ неаттѣйливымъ пѣснямъ, сталъ весело хлопать ладошами въ тактъ и даже подбѣгать вѣдѣ за ними.

То-на пѣня хоромъ, и Ллойд-Джорджъ, выйдѣ съ нею, а выйдѣ съ Ллойд-Джорджъ, въ его дочь и жена.

Пѣсни эти не англійскія, а специально-уэльскія, на особенномъ кимврійскомъ языкѣ. Языкъ этотъ для Ллойда-Джорджа — родной, мотивы пѣсенъ — знакомы съ дѣтства. Разъ въ годъ, на этой англійской окраинѣ, устраивается національно-пѣвческій праздникъ, люди собираются со всѣхъ городовъ и мѣстечекъ для хорошаго совместнаго пѣнія, но время ли теперь, въ самый пикъ, въ самую лютую бурю, предаваться такимъ тихимъ усадамъ? Какое право имѣетъ военный министръ участвовать въ подобныхъ пикникахъ?

Къ наступленію нашихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ. Въ отбитомъ Радзивилловѣ.

По фот. нашего военнаго корреспондента.

Къ наступленію нашихъ войскъ на юго-западномъ фронтѣ. Въ отбитомъ Радзивилловѣ.

По фот. нашего военнаго корреспондента.

Это обвинение блестяще опровергнет Ллойд-Джордж в своей речи, произнесенной на празднике.

Почему бы нам не пить? — воскликнуть он. — Почему нам сидеть в постели? Разве Англия не опасна? Ведь никогда еще Англия не была так велика, так могущественна, никогда у нас не было таких необъятных владений, такого мирового влияния, таких возвышенных, идеальных задач! Правда, война означает страдание, многие наши дома охвачены траурной скорбью. Но пьем — это победа над страданием и скорбью. Разве наши солдаты в боях не распыляют свои парадные пины? Уэльские солдаты прислали с боевых позиций приветственную телеграмму нашему публичному хору, где говорится, что в будущем году и они будут участвовать в этом хоре. Сражайтесь за честь Англии на полях Европы, Азии и Африки, солдаты, чтобы мы, оставшиеся дома, поддерживали национальные учреждения страны, просветительные, литературные, музыкальные и религиозные. Солдаты, чтобы свято оберегались огни наших национальных алтарей, чтобы по окончании войны, когда победоносное войско вернется со своей наградой, эти огни горели пылче и ярче.

«Пусть же не смолкают наши пины. Ведь посты этой ужасной войны нам грозят страшнейшим врагом: материализмом. Прелесть жизни засунута в сердце. Техника и мертвая механика едят души кумирами общества. И сама преклоняется перед техникой и едят все, что может, для ее процветания в Ан-

глии. Но помните, что техника — не все. Есть нечто выше, драгоценнее техники. Величайшая опасность для народа, если не его стремления ограничатся удовлетворением насущных материальных нужд. Народные идеалы, не удовлетворенные высокими идеями, подобны череполоху, растущему зря, на пустырь, и не дающему ни пищи ни топлива. Народ, ставящий себе такие идеалы, обречен на вырождение и гибель. После войны нам нужны будут образованные мастера и фабричные, но еще больше понадобятся такие учреждения, которые смогут поднять упования и стремления народа над уровнем фабрик, мастерских и контор. Нам нужны будут героические традиции нации, чтобы напоминать ей о том, что не о хлебе едином жить будет человек».

«Пить, не смейте брать наши сегодняшние пивческие праздники. Пусть мы соберемся для простого веселья — и то не буда, не грех. Буря свирепствует с прежней яростью, но над волнами пробивается луч, над бушующей стихией видна радуга. Бой становится еще ожесточеннее, но полчища насылки уже подались, и хоругвь права понемногу движется вперед и вперед. Почему нам не пить? Правда, тысячи героев пали в битве, будем же восхвалять их героизм. Миллионы таких же героев грудью идут на врага, и другие миллионы готовы прийти к ним на помощь. Давайте же восхвалять страну, родившую столько героев!»

Английский военный министр Ллойд-Джордж с дочерью на праздник пивцов в Уэльсе.

Английский военный министр Ллойд-Джордж произносит речь канадским войскам. Рядом с Ллойд-Джорджем стоит военный министр Канады, генерал Сэмюэл Юэ, организовавший армию в 500.000 человек и прозванный «канадским Китченером».

Министры Ллойд-Джордж и Самуэль Гривестейтуют процессию.

Война до конца — до последнего чествования на фронте и в тылу. Женская манифестация в пользу войны в Лондоне.

Процессия рабочих с нарядных заводных прохаживать мимо здания военного министерства.

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

Н. Шумскаго.

Выжидательное положеніе.

Въ августѣ мѣсяцъ состоялось назначеніе Гинденбурга на постъ начальника полевого генеральнаго штаба. Въ Германіи главнокомандующимъ, по закону, считается императоръ, и ему подчинено непосредственно семь лицъ, при помощи которыхъ онъ управляетъ арміями на фронтахъ: начальникъ полевого генеральнаго штаба, военный министръ, начальникъ военного кабинета императора, генералъ-инспекторъ артиллеріи, генералъ-инспекторъ инженерныхъ войскъ, комендантъ главной квартиры и инспекторъ санитарныхъ учреждений и частныхъ благотворительныхъ обществъ.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ, конечно, главную роль играетъ начальникъ полевого генеральнаго штаба, и, принимая во вниманіе тѣ многочисленныя заботы, которыя ложатся на современнаго конституціоннаго монарха, можно съ большимъ основаніемъ считать, что начальникъ генеральнаго штаба въ Германіи играетъ главенствующую роль по управленію войсками и по веденію операций. Поэтому въ Германіи обыкновенно смотрятъ на начальника полевого генеральнаго штаба, какъ на фактическаго главнокомандующаго, и, дѣйствительно, насколько можно было наблюдать по многимъ признакамъ, назначеніе того или другого лица на постъ начальника генеральнаго штаба всегда было связано съ принятіемъ того или иного стратегическаго плана, имъ предлагаемаго.

Поэтому первый начальникъ германскаго генеральнаго штаба въ нынѣшней войнѣ, графъ Мольтке, племянникъ знаменитаго Мольтке, и приводилъ въ исполненіе тотъ планъ войны, который былъ еще въ мирное время разработанъ подъ его руководствомъ, и который, какъ извѣстно, былъ еще въ 80-хъ годахъ въ основныхъ чертахъ спроектированъ „знаменитымъ“ Мольтке. Поэтому также отставка графа Мольтке неизбежно послѣдовала послѣ неудачи этого плана.

Какъ оказалось, назначеніе Фалькенгайна было связано съ повтореніемъ того же плана, лишь слегка видоизмѣненнаго въ томъ смыслѣ, что ударъ на Францію долженъ былъ послѣдовать лишь послѣ того, какъ предварительно, въ теченіе лѣта 1915 г., нѣмцы попытаются отодвинуть наше расположеніе на востокъ, дабы обезопасить свои границы на время наступленія во Францію. Неудача и этого плана, столь ярко выразившаяся въ Верденѣ и въ тѣхъ тяжелыхъ ударахъ, которые нанесли наши войска въ теченіе лѣта 1915 г., повлекла за собою отставку Фалькенгайна и назначеніе Гинденбурга, а слѣдовательно, по видимому, и принятіе новаго плана. Какой это планъ — это можно лишь предполагать въ общихъ чертахъ, на основаніи общихъ данныхъ, имѣющихся въ распоряженіи, и на основаніи самыхъ общихъ мотивовъ. Возможно, что это означаетъ новое предстоящее повтореніе съ весны будущаго года стараго плана наступленія опять во Францію, что, впрочемъ, весьма сомнительно, принимая во вниманіе, что два года войны должны были доказать нѣмцамъ тщетность ихъ усилій достигнуть рѣшительныхъ успѣховъ на западномъ фронтѣ. Возможно, что это означаетъ коренное измѣненіе плана въ томъ смыслѣ, что нѣмцы проектируютъ въ будущемъ перенесеніе центра тяжести событий на востокъ, что болѣе вѣроятно, но о чемъ пока категорически говорить не приходится.

Однако пока можно наблюдать нѣкоторыя дѣйствія противника, которыя даютъ возможность намѣтить нѣкоторые общие выводы. Намъ уже приходилось отмѣчать, что, послѣ своего назначенія сначала на постъ главнокомандующаго всѣми германскими и частью австрійскими арміями на нашемъ фронтѣ, Гинденбургъ, принявъ мѣры для обезпеченія заковѣданнаго восточнаго фронта.

Положеніе противника въ моментъ назначенія Гинденбурга представлялось, какъ извѣстно, весьма серьезнымъ. Союзники наступали на всѣхъ фронтахъ войны и на всѣхъ фронтахъ войны достигли хотя и частныхъ, но крупныхъ успѣховъ. На западѣ, вмѣсто Вердена, англо-французы повели наступленіе на Соммѣ, сразу ликвидировавшее Верденъ и угрожавшее уже, въ свою очередь, австро-германцамъ. Итальянцы взяли Горичу, выступили Румыны, и, наконецъ, на нашемъ фронтѣ Австро-Венгрія попыталась второй, весьма тяжелый разгромъ ея вооруженныхъ силъ. Правда, Германія еще далеко не была разгромлена, но инициатива перешла къ союзникамъ, и самое существенное, что было достигнуто союзниками, это сильнѣйшее ослабленіе центральныхъ имперій, благодаря колоссальнымъ потерямъ, которыя еще разъ понесла Австро-Венгрія на паническо-воинскомъ театрѣ.

Такимъ образомъ Гинденбургу пришлось рѣшать весьма сложную задачу: удержать положеніе союзныхъ нѣмецкихъ армій на разныхъ фронтахъ войны, и при томъ удержать силами, которыя были уже значительно растраты на предшествовавшими. Возможно, что Гинденбургъ имѣлъ въ виду и наступленіе, но только когда-либо въ будущемъ, а никакъ не въ ближайшее время, ибо короткий срокъ, оставшійся до наступленія холодовъ и колоссальный расходъ войскъ за лѣто абсолютно этого не допускали.

Въ окончательномъ итогѣ можно считать, что задача Гинденбурга сводилась къ тому, чтобы удержать положеніе на различныхъ фронтахъ войны съ относительно небольшими силами, — съ глѣзъ, чтобы въ теченіе зимы создать какія-либо новыя форпосты изъ того „людскаго матеріала“, который могъ еще найтись въ Австро-Германіи и, затѣмъ, въ будущемъ, попытаться при помощи новаго рискованнаго стратегическаго плана вывести Австро-Германію изъ нынѣшняго крайне сложнаго положенія.

Первое, что сдѣлалъ Гинденбургъ, — это былъ полный отказъ отъ на-

ступательной операціи Фалькенгайна во Францію — по нѣмцы поддержанія положенія на востокѣ. Верденская затѣя была бронсна, а изъ другихъ районовъ западнаго фронта, затѣмъ, частью съ итальянскаго фронта, частью изъ Туринъ, Гинденбургомъ, въ общемъ, было взято около 20 дивизій, которыя были брошены на восточный фронтъ и частью на румынскій фронтъ для того, чтобы „закрыть дыры“ — заполнить тѣ бреши въ живой силѣ, которыя образовались вслѣдствіе громадныхъ потерь, понесенныхъ за лѣто.

Однако Гинденбургъ сознавалъ, что этого мало, и что двадцать дивизій, т.-е. около 350 тысячъ человекъ, едва восполняютъ и половину тѣхъ потерь, которыя понесъ противникъ въ маѣ мѣсяцѣ, а между тѣмъ выступленіе Румыніи требовало еще отдѣльныхъ войскъ для новаго, трансильванскаго фронта. Поэтому второй мѣрой Гинденбурга было „сокращеніе фронта“, правда, частью вынужденное вслѣдствіе нашихъ успѣховъ. Германскій фронтъ на нашемъ театрѣ, который раньше мѣрился разстояніемъ отъ Балтійскаго моря до Румыніи, образовалъ какъ бы два фронта. Одинъ изъ нихъ, который слѣдуетъ считать главнымъ, очевидно, определялся линіей между Балтійскимъ моремъ и райономъ Галича у Карпаты. Другой фронтъ — второстепенный — шелъ далѣе по границѣ Трансильваніи, вплоть до Оршова (Железныхъ Воротъ) на Дунаѣ.

Первый фронтъ, какъ главный, подлежалъ, очевидно, особенно упорной оборонѣ, и, дѣйствительно, Гинденбургъ съ мѣста замѣнилъ австрійскія войска, занимавшія Галичъ, германскими. Ясно, что при новыхъ условіяхъ Галичъ уже являлся флангомъ новаго главнаго фронта и, какъ всякій флангъ, представлялъ собою особо важный пунктъ, почему Гинденбургъ и назначилъ для обороны этого фланга германскія войска.

Такимъ образомъ былъ созданъ „сокращенный“ фронтъ, отъ Галича до Балтійскаго моря, — вѣрнѣйшій офиціально принцу Леопольду Баварскому, а фактически, несомнѣнно, находившійся подъ руководствомъ самого Гинденбурга. Этотъ фронтъ Гинденбургъ, очевидно, намѣревался оборонять весьма упорно, стремясь далѣе не допустить болѣе сдвигу австро-германскаго фронта назадъ. Что же касается трансильванскаго фронта, гдѣ офиціально руководилъ обороной австрійскій наслѣдникъ престола эрцгерцогъ Карлъ-Францъ-Йосифъ, и гдѣ напавали фактическими руководителями Ковеша и Макензена, то далѣе венгерскія войска, нѣсколько усиленные тремя-четырьмя германскими дивизіями, должны были оборонять Трансильванскія горы противъ румынъ, при чемъ эти дѣйствія, очевидно, находились въ связи съ наступленіемъ германо-болгарскихъ войскъ на „румынскій тылъ“ въ Добруджѣ.

Таковы были тѣ общія данныя, которыя болѣе или менѣе обрисовывали намѣреніе Гинденбурга обороняться на всѣхъ фронтахъ войны, ради чего онъ рѣшительно отказался отъ наступательныхъ операций во Франціи, снявъ оттуда нѣкоторую часть войскъ и относительно мало реагировавъ на тотъ глубокой „прогибъ“, который производили англо-французскія войска своими непрерывными удачными атаками на фронтѣ второй германской арміи, въ районѣ Соммы.

Несомнѣнно, что это положеніе, занятое Гинденбургомъ на разныхъ фронтахъ войны, было лишь выжидательнымъ и означало, очевидно, намѣреніе противника заняться новой длительной подготовкой и сборомъ послѣднихъ средствъ борьбы для будущихъ широкихъ операций.

Манифестаціи русско-японской дружбы.

(Политическое обозрѣніе).

Взаимныя отношенія народовъ, кажется, еще болѣе памфлетны и непостоянны, чѣмъ отношенія отдѣльныхъ людей. Невольно можно повторить полюбившееся: „и ненавидимъ мы и любимъ мы случайно...“ Общественно люди проявляютъ непостоянство въ любви, но сейчасъ передъ глазами всего міра рисуется несравненно болѣе отчаянный и радостный фактъ взаимности и непостоянства въ ненависти и враждѣ. Мы говоримъ о рѣзкомъ, почти безпримѣрномъ въ исторіи переломѣ, который претерпѣли за послѣднія 12 лѣтъ русско-японскія отношенія. Еще такъ недавно оба народа груды съ грудью сходились на потѣ брани, пылали злобой и мстью, безпощадно истребляли другъ друга ниндзями и пиратами, потому что что-то влупилъ убійство, что имъ, обомъ тѣсно подъ необъятнымъ небомъ Востока, а сегодня они уже срисаются рядомъ, какъ друзья и союзники, и оба чувствуютъ исключительную потребность какъ можно прочнѣе закрѣпить этотъ союзъ, ближе сдѣлаться другъ съ другомъ и поставить это союженіе въ основу всей своей политики на будущія времена. Дѣйствительно, перемена произошла быстрая, рѣзкая, почти скачочная, но все же было бы чрезвычайно ошибочно, слѣдуя афоризму поэта, объяснять ее одною игрою слѣпного случая. Нѣтъ, случай не всегда слѣпилъ. Обыкновенно онъ самъ является лишь покорнымъ орудіемъ вѣстной судьбы и общаго тяготѣнія историческихъ силъ. Смутное впечатленіе обоимъ народамъ испроизводило толкало ихъ другъ къ другу. Незадолго до дальне-восточной войны русское имя пользовалось колоссальною популярностью въ Японіи, а русскіе моряки, одни только соприкасавшіеся близко съ японцами, возвращались изъ плаванія, всегда уволи домой самія восторженныя воспоминанія о Японіи. Манчжурская война, пора признаться въ этомъ, — была вызвана чисто-искусственными мотивами, носила чисто-дипломатическій характеръ и отнюдь не влекла изъ взаимной ненависти народовъ. Какъ это ни странно, но именно на войнѣ мы ближе узнали другъ друга и до нѣкоторой сте-

K K B A

